

ЧЕЛОВѢКЪ

ВЪ СОРОКЪ ТАЛЕРОВЪ,

СОЧИНЕНІЕ

Г. ВОЛТЕРА.

новое изданїе.

въ Санктпетербургѣ, 1792 года.

печат. и прод. съ 5 картинами по Невской Перспективѣ у Аничковскаго Мосту въ домѣ Г. Зубова, [illegible]

Человѣкъ

въ сорокъ талеровъ.

Старикъ негодуя по обыкновенію своему на настоящее время и выхваляя прошедшее, говорилъ мнѣ, другъ мой, Франція нынѣ не столь богата, какъ была во время Генриха четвертаго. А для чего? Для того, что поля не столь прилѣжно пашутъ и что недостатокъ въ людяхъ и великая за труды поденьщикамъ плата понуждаютъ многихъ поселянъ оставлять земли свои въ небреженіи.

Но недостатокъ въ землепащцахъ отъ чего? Отъ того, что всякъ примѣтивъ въ себѣ хотя самую малую къ чему нибудь способность, вдругъ берется за золотошвейное, рѣзное или часовое ремесло, упражняется въ шел-

ковой работѣ, старается быть повѣреннымъ или сдѣлаться Богословомъ; что уничтоженїемъ Нантскаго указа совсемъ Государство наше опустошено; что нищїе умножилися, и что всякъ наконецъ, всевозможнымъ образомъ убѣгать началъ отъ тягостнаго землеѣлїя, которое столь для насъ полезно и которое мы столь поноснымъ учинили. Такъ то мы разумны!

Другая причина бѣдности нашей происходитъ отъ новыхъ нашихъ нуждъ; ибо за одинъ только вонючїй нюхательный порошокъ, изъ Америки вывозимой, должны мы платить сосѣдамъ съ одной стороны по четыре, а съ другой по пяти или шести миллїоновъ ливровъ.* А притомъ кофей, чай, шеколатъ, червецъ, брусковая краска и пряныя коренья становятся намъ ежегодно болѣе, нежели въ шестьдесятъ миллїоновъ ливровъ.

* Французскїй ливеръ заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 25 копѣекъ, смотря по тому, каковъ перевѣсъ бываетъ по торговлѣ въ переводѣ денегъ изъ Францїи къ намъ или отъ насъ во Францїю.

Все сіе во время Генриха четвертаго было намъ неизвѣстно, выключая пряныя коренья, да и тѣ гораздо въ меньшемъ количествѣ употребляли. Теперь сожигаемъ мы во сто разъ болѣе восковыхъ свѣчь и большую часть воску беремъ у иностранцовъ по тому, что сами о пчелахъ нерадѣемъ. Парижскія и другихъ городовъ мѣщанки употребляютъ на свои уши, шею и руки несравненно болѣе алмазовъ, нежели сколько имѣлъ весь дворъ Генриха четвертаго, неизключая и самой Королевы. Всѣ же сіи излишества получаемъ мы за наличныя деньги.

Мы вносимъ теперь въ казну болѣе пятнадцати милліоновъ для уплаты Государственныхъ долговъ. Генрихъ же четвертый при вступленіи своемъ на престолъ увидя, что оная была только двумя милліонами должна, уплатилъ благоразумно часть ея долговъ, дабы отъ такого бремени избавить Государство.

Сверьхъ сего междоусобныя брани привлекли во Францію Мексиканскія со-

кровища, когда Донъ Филиппъ, прозываемый премудрымъ, покушался оную купить; и съ сего времени постороннія воины истощили нашу казну.

Въ семъ то отъ части состоитъ причина нашей бѣдности, которую мы скрываемъ въ убранствѣ покоевъ и проворствѣ молодыхъ торговокъ; и такъ мы бѣдны со вкусомъ. Правда, есть у насъ богатые казначеи, подрядчики и купцы, также и ихъ дѣти и зятья довольно зажиточны; но народъ вообще весь бѣденъ.

Разсужденіе сего старика, худо или хорошо, глубоко во мнѣ впечатлѣлось; ибо приходскій попъ, живучи со мною дружбѣ, выучилъ меня нѣсколько Исторіи и Геометріи, и такъ я и самъ разсуждать началъ, что весьма рѣдко въ провинціи нашей бываетъ. Я незнаю, все ли то справедливо, что онъ говорилъ, но будучи самъ бѣденъ, легко повѣрить могу, что подобныхъ мнѣ бѣдняковъ довольно находится.

Несчастіе человѣка въ сорокъ талеровъ.

Я за удовольствіе почитаю объявить свѣту, что имѣю землю, съ которой бы наличныхъ сорокъ талеровъ получалъ доходу, если бы наложенная на нее подать небыла тому препятствіемъ.

Недавно появились у насъ многіе указы отъ такихъ особъ, кои сидя у камина правятъ всѣмъ Государствомъ. Изъясненіе же оныхъ состояло въ томъ, что: „*власть законодательная и испол ительная произошла отъ божественнаго закона, имѣющаго право на мою землю;* по чему и долженъ я давать ей по малой мѣрѣ половину своего пропитанія. Ненасытное чрево законодательной и исполнительной власти привело меня въ крайнее изумленіе. Что же бы воспослѣдовало тогда, когдабы она начальствуя надъ существеннымъ уставомъ обществъ, вовсе владѣла моею землею? Одно божественнѣе другаго.

Г. ГенералЪ Казначей довольно вѣдаетЪ, что я прежде сего платилЪ только двѣнадцать ливдровЪ, и что и сїе для меня было столь тягостно, что я бы вЪ конецЪ раззорился, еслибЪ БогЪ не одарилЪ меня искуствомЪ дѣлать изЪ ивоваго прутья корзинокЪ, которыя мнѣ кЪ снесенїю моей бѣдности много вспомоществовали. ТакЪ могу ли я дать Королю вдругЪ двадцать талеровЪ? *

СверьхЪ сего новые Министры вЪ объясненїяхЪ своихЪ на указы упоминаютЪ, чтобы собирать однѣ только поземельныя подати, по тому что, все де изЪ земли даже и дождь происходитЪ, и что для того сЪ однихЪ только земныхЪ плодовЪ и платить должно налоги.

ВЪ послѣднюю войну пришелЪ ко мнѣ одинЪ изЪ ихЪ приставовЪ, требуя отЪ меня три полуосьмерика хлѣба и мѣшокЪ бобовЪ, что стоило двадцати талеровЪ, на содержанїе производимой войны, которой причины я совсемЪ не званЪ, а

* ТалерЪ Французскїй заключаетЪ вЪ себѣ 3 ливера или 60 коп.

слышалъ только, что намъ отъ нее, кромѣ нарочитаго убытку, никакого выигрышу небудетъ. Но какъ у меня тогда ни хлѣба, ни бобовъ, ни денегъ небыло, то власть законодательная и исполнительная повелѣла меня посадить въ тюрму, а войну вели по возможности.

По освобожденіи же изъ тюрьмы, имѣя на себѣ одну кожу да кости, встрѣтился я съ дебелымъ и румянымъ господиномъ, который ѣхалъ шестернею въ каретѣ. У него было шесть лакѣевъ, изъ коихъ каждому давалъ онъ вдвое противъ моего доходу. Дворецкой его столь же румяной, какъ и онъ, получалъ отъ него по двѣ тысячи ливеровъ, да кралъ ежегодно по двадцати тысячь. Сверьхъ того въ полгода на любовницу его исходило по сороку тысячь талеровъ. Я его знавалъ еще тогда, когда онъ былъ и меня бѣднѣе. И такъ онъ увидя меня въ такомъ состояніи, во утѣшеніе говорилъ мнѣ, что онъ имѣетъ годичнаго доходу четыреста тысячь

ливеровъ. По сему вы, примолвилъ я, платите Государству по двѣсти тысячь на содержанїе выгодной для насъ войны, по тому что я имѣя сто двадцать ливеровъ, повиненъ давать половину?

Я! съ удивленїемъ сказалъ онъ, чтобъ сталъ давать на Государственныя потребности! ты конечно дружокъ смѣешся надо мною. Мнѣ досталось наслѣдство послѣ моего дяди, который въ Кадиксѣ и Суратѣ нажилъ восемь миллїоновъ, и все мое богатство состоитъ въ однихъ векселяхъ и другихъ обязательствахъ. Но какъ у меня нѣтъ ни на пядень земли, то я ничемъ Государству и недолженъ. А тебѣ братецъ за тѣмъ половину своего имѣнїя удѣлять надобно, что ты поземельной господинъ. Развѣ ты незнаешь, что если бы Генералъ Казначей потребовалъ отъ меня какого ни есть вспоможенїя отечеству, то бы почли его за человѣка малоумнаго и счету незнающаго; ибо все происхо-

дитъ изъ земли, а деньги и росписки не что иное, какъ свидѣтельство обмѣна. Вмѣсто того, чтобы играя въ банкъ, послать на карту сто полуосьмериковъ ржи, сто быковъ, тысячу барановъ и двѣсти мѣшковъ овса, ставлю я золото. Такъ подумай ты, не двойной ли бы то былъ окладъ, еслибъ отъ меня требовать стали еще денегъ, когда уже однажды подать наложена на съѣстные припасы, и не то ли бы сіе значило, что съ одного быка драть двѣ кожи. Дядя мой продалъ въ Кадиксѣ на два милліона твоего хлѣба, да на столькожъ сукна, сдѣланнаго изъ твоей шерсти, и за сей промѣнъ получилъ онъ сто на сто; изъ чего ты легко понять можешь, что онъ досталъ сію прибыль отъ тѣхъ земель, съ коихъ уже подать собирали; что онъ купилъ у тебя за десять копѣекъ, то продалъ въ Мексикѣ болѣе, нежели за пятьдесятъ ливеровъ, и по вычетѣ всѣхъ издержекъ возвратился оттуда съ восемью милліонами.

Теперь ты самъ ясно видишь, какое ужасное было бы неправосудїе, еслибъ у него требовать стали хотя нѣсколькихъ полушекъ сверьхъ заплаченныхъ тебѣ десяти копѣекъ. Когда бы двадцать нашлось таковыхъ племянниковъ, каковъ я, коихъ бы дяди въ удачное время достали себѣ барышей по восьми миллїоновъ въ Мексикѣ, Буеносъ-Аресѣ, Лимѣ, Суратѣ или Пондишерѣ, да каждой бы изъ нихъ давалъ только по двѣсти тысячь въ долгъ Государству въ необходимыхъ его нуждахъ, то бы сїя сумма составила четыре миллїона. Плати дружокъ подати, плати: ты въ покоѣ довольствуешся чистымъ и наличнымъ доходомъ сорока талеровъ. Помогай отечеству, да приходи ко мнѣ обѣдать съ моими служителями.

Сїя достопамятная рѣчь подала мнѣ поводъ ко многимъ размышленїямъ; однако ни мало меня неутѣшила.

РАЗГОВОРЪ

съ Геометромъ или Землемѣромъ.

Случается иногда, что мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ ни противорѣчить ни соглашаться неможемъ, и какъ будто убѣжденными остаемся, когда еще насъ не оспорили, чувствуя внутренно сомнѣнїе возбраняющее намъ сказанному вѣрить. Такъ на примѣръ: Геометръ доказываетъ, что между тангенсомъ и кругомъ провести можно безчисленное множество кривыхъ линѣй, а ни одной прямой. Глаза твои и разсудокъ противное тому показываютъ; Геометръ важно на то отвѣчаетъ: сїе безконечности правило есть втораго роду. Тутъ ты молчишь, отходишь отъ него въ изумленїи, непонимаешь, что онъ говоритъ, и нимало ему непрекословишь.

По томъ спрашиваешь ты у достовѣрнѣйшаго Геометра, который тебѣ сїю тайну такъ открываетъ: мы полагаемъ, говоритъ онъ, то, чему есте-

ственно быть неможно; какъ на примѣръ: линѣя имѣетъ только длину безъ широты; также говоря въ физическомъ смыслѣ, невозможное есть дѣло, чтобы одна подлинная линѣя сквозь другую проницала, или чтобы одна подлинная прямая или кривая линѣя, между двумя взаимно касающимися истинными линѣями проходить могла. Сїе не что иное есть, какъ мысленная забава и единая мечта; истинная же Геометрїя состоитъ въ томъ, чтобы измѣрять точно естественныя тѣла.

Симъ истолкованїемъ премудраго Математика былъ я крайне доволенъ.

Геометръ мой былъ гражданинъ любомудрый и часто въ хижинѣ моей удостоивалъ меня своимъ разговоромъ. Государь мой, говорилъ я ему нѣкогда, вы старались о просвѣщенїи Парижскихъ невѣжъ для вящшей пользы людей и благоденствїя человѣческаго; вы наставили Министра, по скольку давать денегъ живущимъ съ росту, смотря по

лѣтамъ каждаго; вы подали средство, какъ пользоваться во всякомъ домѣ сего города водою, а чрезъ то избавили насъ отъ посмѣянія и стыда слышать повседневной по воду крикъ и видѣть наконецъ отягченныхъ коромыслами женщинъ, на коихъ носятъ онѣ въ четвертое жилье по два вѣдра въ тридцать фунтовъ вѣсомъ воды; такъ скажите, прошу васъ дружески, сколько во Франціи считается народу?

Геометръ.

Сказываютъ, что около двадцати милліоновъ, на что я соглашаюсь, ожидая подтвержденія сему достовѣрному исчисленію, которое хотя бы уже и давно можно было сдѣлать, однако еще несдѣлано для того, что никто во всемъ разуменъ небываетъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Сколько бы вы думали Франція имѣетъ десятинъ земли?

Геометръ.

Сто тридцать милліоновъ, изъ коихъ половину почти составляютъ дороги, города, деревни, кустарники, топи, пески, безплодныя земли, безполезные монастыри, сады, служащіе больше къ увеселенію, нежели къ пользѣ, и худыя и необработанныя поля. Но разсмотрѣвъ все сіе обстоятельно, сказать можно, что не болѣе семидесяти пяти милліоновъ квадратныхъ десятинъ. Однако положимъ восемьдесять милліоновъ; ибо въ пользу отечества своего что ни сдѣлать, все неизлишно.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

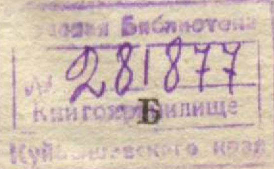
А по многу ли съ каждой десятины получаютъ изъ году въ годъ хлѣба и другихъ всякаго роду сѣмянъ, также вина, рыбы, дровъ, рудъ, скота, овощей, шерсти, шелку, молока и масла за всѣми протарами, несчитая наложенной подати?

Геометръ.

Если съ каждой десятины получают на двадцать на пять ливеровъ, то и сего уже много. Однако для ободренія нашихъ сограждан, станемъ считать, что каждая приноситъ на тридцать ливеровъ; ибо инныя десятины даютъ по триста, а инныя только по три: и такъ среднее соразмѣрное число между тремя и тремя стами будетъ тридцать, по тому что, какъ ты самъ видишь, три содержатся къ тридцати такъ, какъ тридцать къ тремъ стамъ. Правда, еслибъ много было десятинъ въ тридцать ливеровъ, а въ триста весьма мало, то бы счетъ нашъ ни къ чему негодился.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Скажитежъ пожалуйте, сколько получить можно въ годъ наличными деньгами съ восьмидесяти милліоновъ десятинъ?

Геометръ.

Двѣ тысячи четыре ста миллїоновъ ливеровъ по нынѣшнему курсу.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Я читалъ, помнится мнѣ, что Соломонъ одинъ имѣлъ двадцать пять тысячь миллїоновъ наличныхъ денегъ, а у насъ во Францїи ненайдется подлинно и двухъ тысячь пяти сотъ миллїоновъ ходячей монеты, хотя Францїя, какъ мнѣ сказывали, гораздо лучше и обширнѣе Соломонова царства.

Геометръ.

Ето то и чудно: теперь у насъ въ Государствѣ неболѣе можетъ быть девяти сотъ миллїоновъ ходячихъ денегъ, да и тѣхъ уже едва стаетъ на покупку съѣстныхъ припасовъ и для платы работникамъ. Одинъ талеръ тысячу разъ переходитъ изъ крестьянскаго кармана въ карманъ цѣловальника и сборщика.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Ето я понимаю. Но вы сказали, что у насъ считается двадцать милліоновъ народу старыхъ и малыхъ какъ мужескаго, такъ и женскаго полу; такъ по скольку достанется на человѣка?

Геометръ.

По сту двадцати ливеровъ, или по сороку талеровъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Вы точно угадали мой доходъ. У меня теперь четыре десятины, съ коихъ я, считая лѣта, въ которыя онѣ были еще непаханы, съ тѣми, въ которыя плодъ приносить стали, получаю въ годъ по сту двадцати ливеровъ. Сумма невеликая.

Мнѣ кажется, что еслибъ земля раздѣлена была всѣмъ по ровну, какъ то было въ златомъ вѣкѣ, то бы всякъ неболѣе пяти луидоровъ имѣлъ доходу.

Геометръ.

Да, неболѣе по нашему счету, которой я еще нѣсколько увеличилъ. Таково то состоянїе человѣческое! Жизнь наша и именїе весьма ограничены. Въ Парижѣ уравнивая людей одного съ другимъ, неболѣе живутъ двадцати двухъ или трехъ лѣтъ; при всемъ томъ имѣютъ только сто двадцать ливеровъ на свои расходы, то есть изъ сихъ денегъ достаютъ себѣ пищу, одежду, жилище и домашнюю утварь.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Ахъ! въ чемъ я предъ вами такъ погрѣшилъ, что вы меня и жизни и имѣнїя лишаете? Не уже ли вы вправду думаете, что я неболѣе двадцати трехъ лѣтъ проживу, если у ближняго части неукраду или неотниму?

Геометръ.

Безспорно, а особливо въ Парижѣ. Однако изъ тѣхъ двадцати трехъ лѣтъ

по крайней мѣрѣ вычесть надобно десять лѣтъ твоего младенчества, по тому что младенчество не есть наслажденіе жизни, но только приуготовленіе къ оной. Оно также назваться можетъ началомъ зданія, безплоднымъ древомъ и сумерками дня. Сверьхъ сего отъ остальныхъ тринадцати лѣтъ убавь еще то время, которое у тебя во снѣ и скукѣ проходитъ, что не менѣе составитъ половины. И такъ остается тебѣ шесть лѣтъ съ половиною, которыя ты въ горести и печали, малой отрадѣ и надеждѣ долженъ провождать.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Боже мой! по вашему счету нѣтъ для спокойной жизни и трехъ лѣтъ!

Геометръ.

Я въ томъ невиновенъ. Природа о тваряхъ весьма мало печется. Есть насѣкомыя, которыя живутъ одинъ только день, однако родъ ихъ никогда непереводится. Она уподобляется тѣмъ ве-

ликимъ Государямъ, которые для приведенія къ концу важнаго своего предпріятія о потерѣ сорока тысячь человѣкъ нимало незаботятся.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Сорокъ талеровъ и три года жить! Какимъ средствомъ можно бы по мнѣнію вашему отвратить сіе злополучіе?

Геометръ.

Для жизни потребно, чтобы воздухъ въ Парижѣ былъ чище, люди бы менѣе ѣли, а болѣе трудились, матери бы сами вскармливали собственными сосцами своихъ дѣтей и небоялися бы по пустому прививать имъ оспы. Что же касается до богатства, то нѣтъ другаго средства, какъ только жениться и производить дѣтей.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Какъ! развѣ въ томъ состоитъ спокойная жизнь, чтобы бѣдствіе свое соединять съ бѣдствіемъ другаго?

Геометръ.

Пять или шесть бѣдствій вмѣстѣ, снoснѣе бываютъ въ нашемъ состояніи. Если Богъ даруетъ тебѣ добрую жену, двухъ сыновей, да столькожъ дочерей, то на столь малое сѣмейство достанется тебѣ семь сотъ двадцать ливеровъ, положивъ, что правосудіе уже соблюдено и что всякъ изъ васъ получаетъ по сту двадцати ливеровъ доходу. Дѣти твои во младенчествѣ своемъ небудутъ тебѣ стоить почти ни копѣйки, а пришедъ въ возрастъ послужатъ вмѣсто подпоры, и взаимная ихъ помощь избавитъ тебя отъ многихъ убытковъ; по чему ты и станешь жить какъ благополучный философъ, только бы вельможи, правящіе Государствомъ, недрали по жестокосердію своему съ каждаго изъ васъ ежегодно по сороку талеровъ. Однако то бѣда, что мы живемъ уже не въ златомъ вѣкѣ, въ которомъ люди въ равенствѣ будучи рождены, равно пріятнымъ плодомъ непаханной еще то-

гда земли наслаждались. Нынѣ и то многово стоитъ, чтобъ каждому имѣть землю, приносящую сто двадцать ливеровъ доходу.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Вы право въ конецъ насъ раззорите; теперь лишь только сказали, что гдѣ восемьдесятъ милліоновъ десятинъ нарочито доброй земли и двадцать милліоновъ народу, тамъ всякой житель имѣть долженъ по сту двадцати ливеровъ доходу, а теперь опять и тѣ у насъ отнимаете.

Геометръ.

Я считалъ по запискамъ златаго вѣка, а не желѣзнаго, какъ бы надлежало; ибо есть много жителей, кои неболѣе десяти, а инные неболѣе четырехъ или трехъ талеровъ получаютъ; сыщется же около шести милліоновъ и такихъ, кои совсемъ ничего неимѣютъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Но такіе думать надобно съ голоду въ три дни умираютъ.

Геометръ.

Никакъ: тѣ, кои имѣютъ свои поля, заставляютъ ихъ у себя работать и съ ними дѣлятся; и изъ сего то платятъ они священнику, конфетчику, аптекарю, дьячку, комедіанту, стряпчему и извощику. Ты сожалѣнія себя достойнымъ почитаешь для того только, что годичной твой доходъ, сто двадцать ливеровъ, убываетъ двенадцатью ливерами по причинѣ подати; но посмотри на бѣдныхъ солдатъ, кровь свою за отечество проливающихъ: они изъ семидесяти трехъ ливеровъ получаютъ только въ день по четыре копѣйки и живутъ весело въ складчинѣ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Такъ по вашимъ сказкамъ безпричетный Езуитъ въ пятеро болѣе солдатъ получаетъ, несмотря на то, что сей

гораздо болѣе въ присутствіи самого Короля оказалъ услугъ своему отечеству при Фонтенуа, Лофелтѣ и при осадѣ Фрибурга, нежели сколько почтенный отецъ Валетъ во всю свою жизнь.

Геометръ.

Справедливѣе сего ничто быть неможетъ. При томъ всякой Езуитъ получивъ свободу, болѣе проживаетъ, нежели сколько онъ въ монастырѣ проживалъ. Иные еще изъ нихъ весьма много поналивали денегъ сочиненіями своими противъ Парламентовъ, какъ то: почтенные отцы Патульетъ и Нонотъ. Всякъ умудряется въ нынѣшнемъ свѣтѣ: одинъ начальствуетъ надъ парчевыми фабриками, другой надъ фарфоровыми зоводами, иной сочиняетъ оперы, другой пишетъ церковныя вѣдомости, третій мѣщанскія трагедіи или романы на Аглинскій вкусъ; и такъ содержатъ торгующихъ бумагою, чернилами, книгами, также и разнощиковъ,

которые безъ нихъ бы по мїру напрасно ходить принуждены были. Симъ то образомъ наконецъ достаютъ сто двадцать ливеровъ тѣ, кои сами ничего не имѣютъ, а чрезъ то и Государство процвѣтаетъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Изрядное средство!

Геометръ.

Другаго нѣтъ нигдѣ. Бѣдные всегда имѣютъ пропитанїе отъ богатыхъ, и въ семъ то состоитъ источникъ промысла и торговли. Чемъ болѣе гдѣ народъ рукомесленъ, тѣмъ болѣе отъ иноземцовъ наживается. Ежелибы мы у другихъ для равновѣсїя торговли ежегодно по десяти миллїоновъ получали, то бы въ двадцать лѣтъ въ Государствѣ нашемъ оставалось болѣе двухъ сотъ миллїоновъ, изъ коихъ посправедливости надлежало бы удѣлить каждой душѣ по десяти ливеровъ, то есть купцы въ надеждѣ получить большую прибыль, да-

валибъ тогда бѣднымъ десятью ливерами болѣе, нежели сколько теперь даютъ. Однако купечество наше также ограничено, какъ и плодородіе земли; инако приращеніе было бы безконечно. Сверьхъ сего еще и то сомнительно, чтобы равновѣсный торгъ былъ для насъ всегда выгоденъ; ибо случается, что мы иногда и теряемъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Я слыхалъ также, что часто поговариваютъ о населеніи Государства; но чтобы воспослѣдовало тогда, еслибъ отечество наше такъ было населено, что вмѣсто двадцати, имѣло бы сорокъ милліоновъ душъ?

Геометръ.

То, чтобы каждаго расходъ состоялъ токмо въ двадцати талерахъ, или потребнобъ было, чтобы земля вдвое приносила плодовъ, нежели какъ теперь приноситъ, или чтобы было вдвое болѣе ремесленниковъ, дабы вдвое отъ ино-

странцовъ обогащаться, либо надлежало бы отослать половину народа въ Америку, или позволить, чтобъ одна половина другую пожирала, или чтобы число бѣдныхъ удвоилось.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

О! такъ станемъ лучше довольствоваться по изволенїю Божїю двадцатью миллїонами народа и сто двадцатью ливерами доходу на каждаго. Однако такое состоянїе весьма горестно и желѣзный вашъ вѣкъ чрезмѣрно жестокъ.

Геометръ.

Въ лучшемъ состоянїи нѣтъ ни единаго Государства, а въ худшемъ весьма много. Вѣришь ли ты, что жители сѣверныхъ странъ и ста двадцати ливеровъ неимѣютъ? Въ протчемъ если бы они столько имѣли, то бы Гунны, Готѳы, Вандалы и Франки неубѣгали своего отечества и неискали бы огнемъ и мечемъ другаго себѣ жилища.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Если я непресѣку вашей рѣчи, то вы скоро совсемъ меня увѣрите, что я еще со сто двадцатью ливерами благополученъ.

Геометръ.

Конечно когда только ты себя благополучнымъ почитать станешь, то неотмѣнно таковымъ и будешь.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Неможно себя такимъ почитать, каковымъ самымъ дѣломъ небываетъ: это свойственно только безумнымъ.

Геометръ.

Но я тебѣ уже говорилъ, что если ты жить хочешь спокойно и счастливѣе, нежели теперь, то надобно тебѣ жениться и жениться на такой, которая бы столько же имѣла доходу, сколько и ты, то есть четыре десятины, каждую въ десять талеровъ; ибо древнїе Римляне имѣли токмо по три. Дѣти

же твои, когда неполѣнятся, то и сами столько же достанутъ, работая на другихъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Слѣдовательно они немогутъ имѣть денегъ безъ ущербу другаго.

Геометръ.

Сей законъ есть всѣмъ народамъ общїй, и люди тѣмъ токмо и живутъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Такъ по етому я и жена моя обязаны будемъ давать законодательной и исполнительной власти половину своей жатвы, а Государственные Министры станутъ похищать половину всего того, что мы въ потѣ лица своего для пропитанїя бѣдныхъ своихъ дѣтей соберемъ, прежде нежели они сами будутъ въ состоянїи имѣть свое. Но скажите пожалуйте, по скольку новые Министры въ Государеву казну взносятъ?

Геометръ.

Ты платишь двадцать талеровъ съ четырехъ десятинъ, которыя тебѣ сорокъ приносятъ; другой богатѣе тебя, имѣя четыреста десятинъ, дастъ двѣ тысячи талеровъ, по сему новому окладу, а восемьдесятъ милліоновъ десятинъ принесутъ въ годъ Государю тысячу двѣсти милліоновъ ливеровъ или четыреста милліоновъ талеровъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Мнѣ кажется сіе несбыточнымъ и совсемъ невозможнымъ дѣломъ.

Геометръ.

Ты конечно правду говоришъ, и невозможность сія ясно доказываетъ, что новые Министры наши въ разсужденіяхъ своихъ имѣютъ великой порокъ, на которомъ они основываются.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Нѣтъ ли еще какого доказательства и на сіе ужасное неправосудіе, чтобы

брать съ меня половину моего хлѣба, пеньки, овечей шерсти и проч. а никакого нетребовать вспоможенія отъ тѣхъ, кои по десяти, двадцати и тридцати тысячь ливеровъ понаживали доходу то моею шерстью, изъ коей ткали они сукна, то пенькою, изъ коей дѣлали полотно, то наконецъ хлѣбомъ, которой гораздо дороже продавали, нежели какъ у меня покупали.

Геометръ.

Неправосудіе сего правительства столькоже очевидно какъ и ложной его счетъ. Надобно ободрять рукомесло съ тѣмъ, чтобы оно вспомоществовало Государству; но тутъ убавило оно и у тебя часть изъ твоихъ сто двадцати ливеровъ, а торгачи продавая тебѣ рубахи и платье въ двадцать кратъ дороже, нежели во сколько бы онѣ тебѣ обошлись, ежелибъ ты ихъ самъ дѣлалъ, присвоили оную себѣ. Фабрикантъ обогатясь чрезъ тебя, правду сказать, давалъ плату своимъ работникамъ, ко-

торые бы сами собою ничего неимѣли; однако повсегодно удерживалъ у себя такую сумму денегъ, отъ которой онъ теперь тридцать тысячь доходу получаетъ. И такъ онъ досталъ сіе богатство на твой счетъ; слѣдовательно какъ бы ты дорого хлѣбъ свой ему ни продавалъ, то никогда въ состояніи небудешь замѣнить то, что онъ чрезъ тебя нажилъ, по тому что когда ты цѣну возвысишь на съѣстные припасы, то онъ дешевлѣ выписывать оныя станетъ изъ другихъ земель. Справедливость моихъ словъ особливо доказывается тѣмъ, что онъ чрезъ всю свою жизнь имѣетъ тридцать тысячь ливеровъ доходу, а ты всегда остаешся при сорокѣ талерахъ, которые у тебя нетокмо никогда неприумножаются, но еще часто и убываютъ.

По сему необходимость и правосудіе требуютъ, чтобы проворный промышленникъ болѣе платилъ, нежели грубой крестьянинъ, что также и о казенныхъ откупщикахъ разумѣть должно;

ибо прежде сего давалъ ты подушнаго окладу по двенадцати ливеровъ, а теперь именитые наши Министры берутъ съ тебя по сту двадцати; изъ двенадцати же ливеровъ получалъ откупщикъ по десяти копѣекъ. И такъ, если въ Провинцїи вашей считается до пяти сотъ тысячь душъ, то годовой его доходъ состоять будетъ изъ двухъ сотъ пятидесяти тысячь ливеровъ. Положимъ, что онъ для своего содержанїя издерживаетъ по пятидесяти тысячь, то всякому понятно, что въ десять лѣтъ накопитъ онъ до двухъ миллїоновъ; по чему справедливѣе ничего быть неможетъ, какъ когда и онъ по возможности своей платить станетъ подать; въ противномъ же случаѣ все будетъ превратно и несправедливо.*

* Таковой законъ, основанный на самой справедливости, нигдѣ еще почти необрѣтается, кромѣ России, гдѣ нынѣ тягости государственныя расположены по выгодамъ каждаго столь точно, что для всеобщаго гражданскаго блага остается токмо Отцамъ народовъ и самымъ помѣщикамъ подражать примѣру *Премудрыя Сѣверныя Законодательницы.*

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Крайне благодарю васъ за то, что вы и сего сборщика обложили податью; это меня много веселитъ. Но когда онъ до такой степени довелъ свое излишество, то какъ бы и мнѣ приумножить маленькое свое имѣнїе?

Геометръ.

Я вѣть тебѣ говорилъ, что женись, работай и старайся собирать болѣе земныхъ плодовъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Положимъ, что я уже весьма прилѣжно работалъ, что тоже самое сдѣлалъ и всякой другой селянинъ, и что власть законодательная и исполнительная собрала превеликую подать; такъ много ли по прошествїи года выиграетъ отъ того народъ?

Геометръ.

Если онъ выгоднаго съ иностранцами торгу имѣть не будетъ; то ничего болѣе

какъ токмо что жить станетъ спокойнѣе, нежели теперь. Тогда бы всякъ по состоянїю своему болѣе противъ прежняго имѣлъ одежды, рубахъ и утвари домашней. Въ государствѣ болѣе ходило бы денегъ, а жалованье со временемъ почти по числу сноповъ хлѣба, овечей шерсти, воловыхъ, оленьихъ и козьихъ кожъ, также и выдавливаемого въ тискахъ винограда приумножалось. Государю бы платили тогда болѣе наличными деньгами, а Государь лучшебъ могъ награждать всѣхъ находящихся въ его службѣ; но ни одного бы излишняго талера неоставалось въ Государствѣ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Что же бы оставалось въ годъ для властей?

Геометръ.

Тоже бы ничего, что и со всѣми имъ подобными бываетъ, ибо они денегъ некопятъ; а имѣлибъ они пищу, одѣянїе, жилище и всѣ потребности, какъ и вся-

кой человѣкъ, лучшія по своему знанію. Въ протчемъ еслибъ они деньги собирать стали, то бы въ Государствѣ по стольку оныхъ убывало въ расходѣ, по скольку у нихъ оставалось, и наконецъ сколь бы много сорокъ талеровъ въ сундукахъ ихъ хранилось, столь бы много обнищало людей.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

По етому Генрихъ четвертый былъ Государь неправосудный и грабитель народа; ибо мнѣ сказывали, что онъ хранилъ въ Бастилѣ болѣе пятидесяти милліоновъ.

Геометръ.

Никакъ, сей Государь сколь былъ храбръ, столь добродѣтеленъ и мудръ. Онъ предпринималъ справедливо войну и для оной наполнилъ сундуки свои двадцатью двумя милліонами, а другіе двадцать милліоновъ употребилъ для пользы Государства, чрезъ что и избавилъ свой народъ въ военное время

отъ потери болѣе нежели ста миллїоновъ. Онъ нѣкоторымъ образомъ предвидѣлъ успѣхи свои противъ непрїятеля, которой равныхъ неимѣлъ предосторожностей, и изслѣдованной его счетъ найденъ во всемъ въ его пользу. Двадцать два миллїона лежачей казны ясно доказывали, что Государство изобиловало тогда на двадцать на два миллїона земныхъ даровъ; почему и жилъ всякъ безъ нужды.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Старикъ мой правду говорилъ, что при Герцогѣ Суллїѣ всякъ былъ по состоянїю своему гораздо богатѣе, нежели при новыхъ Министрахъ, которые наложивъ одинакую подать, берутъ у меня съ одного сорока, двадцать талеровъ. Но скажите пожалуйте, есть ли въ свѣтѣ еще народъ, который бы платилъ одинакую подать, и былъ при томъ благополученъ?

Геометръ.

Нѣтъ ни одного богатаго. Агличане, народъ весьма степенной, немогли удержаться отъ смѣха услыша, что ученые люди между нами выдумали такое правительство. Китайцы собираютъ пошлину неравную изъ купеческихъ кораблей въ Кантонъ приѣзжающихъ; да и Голландцы, торгующіе въ Японѣ подъ видомъ нехристіянъ, платятъ оную неравно въ Нангазакѣ. Одни только Лапландцы и Самоѣды даютъ одинакую подать соболями; Республика же Сентъ Марина платитъ всегда десятину для благосостоянія своего общества.

Есть еще народъ въ Европѣ мужествомъ и правотою славный, который необремененъ налогами и именуется Гелветскимъ. Сей народъ поселясь на мѣстахъ Герцогамъ Австрійскимъ и Зеринскимъ принадлежащихъ, пользуется народнымъ правомъ и даетъ самую умѣренную подать на потребности малой своей Республики. Протестантскіе

округи вдвое почти богатѣе округовъ Католическихъ по тому, что употребляютъ избытки свои на общественныя нужды, а не на монастырскія. Бывшіе подданные Эрцгерцоговъ Австрійскихъ, Герцоговъ Зеринскихъ и монаховъ зависятъ нынѣ токмо отъ своего отечества и оному платятъ тѣ же самыя пошлины и десятины, какія прежде платили своимъ помѣщикамъ; а какъ всѣ подданные вообще весьма малую отправляютъ торговлю, то и торги ихъ никакимъ болѣе неподвержены налогамъ, кромѣ небольшой пошлины за мѣсто перегрузки товаровъ. Народъ храбростію своею служитъ по нѣскольку лѣтъ иностраннымъ Государямъ, и тѣмъ отечество свое обогащаетъ на нашъ счетъ. Сей образецъ есть столь же рѣдкій между просвѣщенными людьми, какъ и одинакая ваша подать изобрѣтенная новыми законодавцами.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Слѣдовательно Швейцары по Божественному праву нетеряютъ половины своего имѣнія, и кто изъ нихъ имѣетъ четыре коровы, тотъ двухъ Государству недаетъ.

Геометръ.

Конечно нѣтъ. Въ одномъ Кантонѣ съ тридцати бочекъ вина даютъ одну, а въ другомъ платятъ двенадцатую, а достальнымъ пользуются сами.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Ахъ! когда бы и я былъ Швейцаромъ. О проклятая подать одинакая и несправедливая? ты то меня по міру ходить принудила. Но три или четыре ста разныхъ налоговъ, коихъ и имена затвердить трудно, съ большимъ ли правосудіемъ учреждены? Если когда и былъ законоположникъ, который въ правленіи Государства включилъ мѣрителей уголья и лѣсу, досмотрщиковъ вина и браковщиковъ свиней и масла, и опре-

дѣлилъ содержать изъ бездѣльниковъ войска вдвое многочисленнѣе войска Александрова, которымъ предводительствуя шестьдесятъ Полководцовъ, дѣлали то данниками чужихъ народовъ, то великія одерживали побѣды, то приводили плѣнниковъ и жертвовали ими иногда на воздухѣ, посреди дсчанаго на площади театра, какъ дѣлали древніе Скиѳы, по сказкамъ онаго священника; но таковое узаконеніе, хотя и много стоило вопля и слезъ, нелучше ли было того, которое вдругъ и при томъ тихо отнимаетъ у меня половину имѣнія; а если разсмотрѣть обстоятельно, то при старомъ откупщикѣ болѣе трехъ четвертей похищало?

Геометръ.

Іллїакос интра мурос пеккатур эт экстра; эст модус ин рэбус, кавэас нэ квид нимис.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Я учился нѣсколько исторіи и Геометріи, а по Латыни право ничего неразумѣю.

Геометръ.

Ето такъ разумѣть должно: съ обѣихъ сторонъ не безъ грѣха, держись средины, и ничего излишняго непредпринимай.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Ничего излишняго.... Въ такихъ я и обстоятельствахъ! у меня нѣтъ и того, что бы было довольно.

Геометръ.

Я увѣренъ, что ты, я и все отечество наше съ голоду погибнемъ, если новое правительство хотя два года еще продолжится; однако надобно имѣть надежду, что Богъ сжалится надъ нами.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Съ надеждою живутъ, съ надеждою и умираютъ. Прощайте государь мой, ваши наставленїя до того меня довели, что у меня сердце ноетъ.

Геометръ.

Такой плодъ отъ науки часто бываетъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

съ Кармелитскимъ монахомъ.

Поблагодаря господина Генерала за наставленія, пошелъ я отъ него закашлявшись и хваля провидѣніе, произнесъ сквозь зубы сіи горестныя слова: двадцать талеровъ для пропитанія и жить двадцать два года! Ахъ! лучше бы намъ жить на свѣтѣ еще менѣе, когда жить толь злополучно!

Между тѣмъ нечувствительно почти подошелъ я къ превеликолѣпному монастырю. Голодъ тогда томить меня начиналъ, денегъ же со мною ни одной копѣйки небыло, то есть ни сотой доли и тѣхъ, кои законно каждой душѣ принадлежатъ. Какъ же скоро узналъ, что въ семъ монастырѣ почтенные обитаютъ старцы, босоногіе Кармелиты, то лаская себя несомнѣнно надеждою, говорилъ самъ въ себѣ: когда сіи святые Отцы толь смиренномудры, что ходятъ босы, то они ко-

нечно сжалясь надъ моею бѣдностїю меня накормятъ.

Въ сихъ мысляхъ позвонилъ я въ колокольчикъ. Вышедшїй оттуда старецъ спросилъ меня, чего тебѣ надобно, сынъ мой? Хлѣба, батюшка, отвѣчалъ я: новые указы лишили меня всего. Но онъ на то отвѣтствовалъ: сынъ мой! мы сами милостыню собираемъ, слѣдовательно дѣлать подаянїя другимъ намъ не изъ чего. Какъ! священный вашъ уставъ, сказалъ я, запрещаетъ вамъ имѣть башмаки, а вы имѣете домъ и Государеву дворцу почти неуступающїй, и нехотите меня накормить! Правда, сынъ мой, мы ходимъ безъ башмаковъ, которыя не многаго стоятъ; однако у насъ столь же мало зябнутъ ноги, какъ и руки; и хотя бы нашъ уставъ недозволялъ намъ и хребта прикрывать, то бы насъ морозъ и шутъ непронялъ. Что же касается до нашей великолѣпной обители, то намъ нетрудно было оную соорудить для того, что мы ежегодно

собираемъ въ сей же улицѣ съ благочестивыхъ душъ по сту тысячь ливеровъ.

Ахъ Боже мой! вы получая по сту тысячь ливеровъ доходу, допускаете меня съ голоду умереть. Развѣ вы даете изъ оныхъ по пятидесяти тысячь въ Государеву казну по новому положенїю? Сохрани насъ Богъ, что бы мы давали и полушку. Власть законодательная и исполнительная собираетъ подати съ однѣхъ токмо произрастѣнїй земли, которую трудолюбивые земледѣльцы въ пыли и въ потѣ затвердѣлыми отъ мозолей руками обработываютъ. Мы же выстроили свою обитель изъ получаемой милостыни, которая намъ теперь приноситъ по сту тысячь; а какъ подаянїе сїе состоитъ изъ земныхъ плодовъ, съ коихъ одинакая подать уже взята, то вторичному налогу нимало неподлежитъ. Отъ сего то подаянїя получили царствїе небесное правовѣрные, которые обогащая насъ претерпѣвали сами нищету. Однако мы еще

и теперь просить милостыни неперестаемъ и стараемся оную собирать и въ предмѣстіи Сеньтъ Жерменя, дабы чрезъ то вѣрныхъ Христіанъ святымъ уподобить. Выговоривъ сіи слова хлопнулъ онъ дверью и чуть было мнѣ носа неприщемилъ.

Послѣ сего шелъ я мимо полку сѣрыхъ мускетеровъ, изъ коихъ нѣкоторымъ разсказалъ свое приключеніе. Они меня накормили и дали талеръ денегъ. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ предлагалъ зажечь монастырь; но другой, поразумнѣе перваго, утверждалъ, что еще не время и что надобно обождать два или три года.

АУДІЕНЦІЯ
Г. Генерала Казначея.

Съ симъ талеромъ пошелъ я бить челомъ къ Генералу Казначею, къ коему доступъ въ тотъ день былъ невозбраненъ.

Передняя его наполнена была всякаго званія людьми, между коими находились и такіе, у которыхъ лице гораздо полнѣе, брюхо отвѣсистѣе и видъ надменнѣе,

нежели у моего знакомца миллїонщика. Я къ нимъ подойти несмѣлъ и стоялъ такъ, что они меня видѣть немогли.

Тутъ монахъ, сущїй десятинщикъ, просилъ на своихъ сограждан, которыхъ онъ называлъ своими подданными. Онъ имѣлъ больше доходу, нежели всѣ окрестные жители, и кромѣ сего имѣлъ еще помѣстье. Требованїе его состояло въ томъ, чтобы подданные его, устроившїе съ крайнимъ трудомъ изъ пустырей виноградные сады, давали ему по Божественному праву десятину съ вина, что считая трудъ, поставку, бочки и погреба составляло большую часть цѣны самого вина. Министръ въ отвѣтъ ему сказалъ, что онъ довольно понимаетъ, сколь онъ человѣколюбивъ.

Главный же откупщикъ тутъ бывшїй и весьма искусный въ своемъ дѣлѣ, донесъ Министру, что деревенька старца сего ничего не въ состоянїи ему дать теперь по тому, что онъ прошлаго года взявъ тутъ тридцать два побора

съ вина а потомъ и пеню за то, что оное съ излишкомъ было по мнѣнїю его употребляемо, привелъ ее въ крайнее раззоренїе. Я, примолвилъ еще откупщикъ сей, велѣлъ распродать скотъ и домашнїе пожитки всѣхъ его крестьянъ, однако они мнѣ еще и тутъ должными остались, почему я и принужденнымъ себя нахожу сдѣлать на требованїе почтеннаго отца возраженїе.

Вы имѣете право, говорилъ Министръ, быть его соперникомъ, имѣя равную съ нимъ къ ближнему любовь, и я похваляю вашу добродѣтель.

По томъ приступилъ къ Министру другой монахъ и помѣщикъ, коего крестьяне состояли въ полномъ рабствѣ. Онъ ожидалъ опредѣленія о полученїи наслѣдства послѣ одного вертопрашнаго Парижанина, который живучи въ домѣ, наполненномъ любодѣйницами и находящемся въ помѣстьи сего Iерея, по прошествїи года и одного дня скончался. Старецъ сей ссы-

лаясь на божественное право, требовалъ всего его имѣнія себѣ въ наслѣдство, какъ законно ему принадлежащаго.

Министръ нашелъ въ немъ столь же нѣжное и сострадательное сердце какъ и въ двухъ первыхъ.

За симъ подалъ откупщикъ дворцовыхъ вотчинъ достохвальную записку, которою онъ оправдался въ томъ, что пустилъ по міру двадцать сѣмей, кои наслѣдовали имѣніемъ или послѣ своихъ дядей и тетокъ, или послѣ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, и коимъ надлежало заплатить пошлину. Онъ доказывалъ, что онѣ недовольно цѣнили свое наслѣдство, и что оное гораздо больше стоило, нежели какъ онѣ объ немъ думали, ради чего наложивъ на нихъ пеню въ трое больше надлежащей, привелъ чрезъ то ихъ въ крайность, и заключа начальниковъ ихъ въ темницу, купилъ найлучшіе ихъ пожитки самъ безданно и безпошлинно.

Сему Генералъ Казначей сказалъ слѣдующія достопамятныя слова: *добрѣ! благій рабе и вѣрный! въ малѣ былъ еси мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю.* Однако послѣ того на ухо молвилъ стоявшему возлѣ него докладчику своему: надобно будетъ прижать къ ногтю сихъ священныхъ и свѣтскихъ піявицъ. Время, время уже помогать народу, которому безъ нашего пособія и нашей правоты на свѣтѣ жить будетъ нѣчемъ.

Послѣ сего глубокомысленныя особы стали предлагать новыя выдумки: одинъ говорилъ, чтобы собирать подать съ разума, утверждая, что всякъ рачительно старашься будетъ оную уплатить, по тому, что слыть дуракомъ никто незахочетъ; но Министръ ему на сіе сказалъ, что онъ его перваго изъ подати исключаетъ.

Другой предлагалъ, чтобы наложить подать на пѣсни и смѣхъ, вѣдая, что

Французы, будучи самой веселой въ свѣтѣ народъ, первое находятъ увеселенiе въ пѣсняхъ. Но Министръ зная, что съ нѣкотораго времени забавныхъ пѣсенъ уже несочиняютъ, опасался, что-бы для избѣжанiя подати незаважничала и вся Францiя.

По томъ подошедъ одинъ благодушный гражданинъ, совѣтовалъ вносить въ казну въ трое больше, собирая съ народа въ трое меньше. Но Министръ совѣтовалъ ему поучиться нѣсколько ариѳметикѣ.

Нѣктоже отъ усердiя доказывалъ, что Государь не болѣе семидесяти пяти миллiонсвъ получаетъ, а онъ на противъ того обѣщается умножить доходъ до двухъ сотъ двадцати пяти миллiоновъ. Министръ сказалъ ему: вы меня тѣмъ крайне обяжете, когда уплатите государственные долги.

Наконецъ прибылъ повѣренный изобрѣтателя новаго положенiя о государственныхъ доходахъ, который учре-

дивъ оное такъ, что всѣ наши земли, въ силу божественнаго права подсудны оному стали, вносить въ казну тысячу двѣсти миллїоновъ. Я его узналъ по тому, что онъ былъ тотъ самый, который меня посадилъ въ тюрьму за двадцать талеровъ. Тутъ я павъ къ ногамъ Генерала Казначея, просилъ о правосудїи; но онъ посмотрѣвъ на меня разсмѣялся громко и сказалъ мнѣ: это дружокъ надъ тобою подшутить хотѣли. По томъ приказалъ насмѣшникамъ за претерпѣнной мною ущербъ, заплатить мнѣ сто талеровъ и изключить меня вовсе изъ подати. Да благословитъ васъ Богъ, сказалъ я ему, за такую вашу милость.

ПИСЬМО

къ Человѣку въ сорокъ талеровъ.

Несмотря на то, что я въ трое богатѣе тебя, то есть, что имѣю триста шестьдесятъ ливеровъ доходу; однако ни мало негордясь своимъ богат-

ствомъ, пишу къ тебѣ какъ равный къ равному.

Я читалъ описанïе твоего несчастïя и правосудïя, оказаннаго тебѣ господиномъ Генераломъ Казначеемъ, съ чемъ тебя и поздравляю; но читалъ также къ неудовольствïю моему и такъ называемую книгу *безкорыстнаго Барышника*, не смотря на вдохновенное мнѣ симъ именемъ отвращенïе, которое многимъ людямъ кажется, что само себѣ противурѣчитъ. Сей гражданинъ похищаетъ какъ у тебя такъ и у меня по шестидесяти ливеровъ, полагая на содержанïе каждаго по сту ливеровъ; другой же напротивъ того человѣкъ также не беззнатной, возвышаетъ нашъ приходъ до ста пятидесяти ливеровъ, изъ чего заключаю я, что Геометръ твой помѣтилъ прямо на средину. Онъ не изъ тѣхъ именитыхъ бояръ, которые однимъ почеркомъ пера населяютъ Парижъ миллïонами народа, и заставляютъ васъ имѣть въ государствѣ ты-

сячу пятьдесятъ миллїоновъ наличной монеты, не взирая на понесенный нами въ послѣднюю войну весьма великїй уронъ.

Но какъ не безъизвѣстно мнѣ, что ты не изъ послѣднихъ чтецовъ, то я ссужаю тебя книгою называемою *Казначей Гражданинъ*; однако прошу не во всемъ на него полагаться, по тому что онъ ссылается на завѣщанїе великаго Министра Колберта, а того незнаетъ, что оно не что иное есть, какъ смѣшный вздоръ, выдуманный Гасїеномъ Куртилломъ; приводитъ въ примѣръ десятины Маршала Вобана, невѣдая, что онѣ Буасгилбертовы, и утверждается на завѣщанїи Кардинала Ришелье, незная что оное принадлежитъ Аббату Бурзенсу. По его словамъ сей Кардиналъ увѣряетъ насъ, *что во время дороговизны въ говядинѣ и хлѣбѣ солдатамъ жалованья прибавляли*; однако тогда въ говядинѣ хотя и была ужасная дороговизна, но прибавки солда-

тамъ никакой небыло; несправедливость его, неупоминая о другихъ безчисленныхъ доказательствахъ, тѣмъ найпаче подтверждается, что сія книга, какъ скоро на свѣтъ появилась, тотчасъ признана подложною, и что по томъ будучи приписана самому Кардиналу, неболѣе ему принадлежитъ, какъ и завѣщанїе Кардиналу Алберону и Маршалу де Беллиль, изданныя подъ ихъ именами.

Убѣгай во всю свою жизнь духовныхъ особъ и новыхъ системъ. Я отъ нихъ также пострадалъ, какъ и ты; и если нынѣшнїе Солоны и Ликурги надъ тобою подшутили, то истинно новые Триптоломы совсемъ меня обидили, такъ что конечно бы я съ голоду погибъ, еслибъ не маленькое наслѣдство, отъ котораго я нѣсколько поисправился.

Я имѣю сто двадцать десятинъ пахотной земли, которая хотя и лежитъ въ самой лучшей сторонѣ, однако весьма неплодородна. Всякая десятина прино-

сишЪ мнѣ шолько на одинЪ шалерЪ или 60 копѣекЪ прибыли. КакЪ скоро увидѣлЪ я вЪ дневныхЪ запискахЪ, что славный землѣдѣлецЪ изобрѣлЪ новую машину для посѣва хлѣба грядами шакЪ удачно, что отЪ малаго количесшва сѣменЪ собиралЪ онЪ весьма много хлѣба, що немедля нимало взялЪ денегЪ вЪ займы, купилЪ малую машину и вспахалЪ грядами землю; однако пропали мои деньги и шрудЪ, шакже какЪ и у сего именишаго землѣдѣльца, который уже болѣе на грядахЪ не засѣваетЪ.

Несчасшїе мое побудило меня чишашь Экономической дневникЪ, кошорой продаешся вЪ Парижѣ у Будоша, и вЪ коемЪ нашелЪ я опышЪ осшроумнаго Парижанина, который для забавы велѣлЪ вспахашь свой цвѣшникЪ пяшнадцашь разЪ, и вмѣсшо шого, что прежде онЪ сажалЪ шушЪ шюльпаны, посѣялЪ хлѣбЪ, отЪ чего и имѣлЪ преизобильную жашву. Я досталЪ еще денегЪ и для полученїя двойныя жашвы, по при-

мѣру сего почтеннаго Парижанина, который научился первымъ основаніямъ земледѣлія въ операхъ и комедіяхъ, разсудилось мнѣ вспахать землю въ двое противъ него, и вотъ я какъ наставленіемъ его и примѣромъ обогатился.

Четыре раза обработывать землю въ нашемъ округѣ совсемъ невозможное есть дѣло, по тому что суровость климата и незапныя перемѣны погодъ недозволяютъ того дѣлать; сверьхъ сего и претерпѣнное мною несчастіе въ посѣвѣ на грядахъ хлѣба по образцу славнаго земледѣльца, выше мною упомянутаго, заставило меня разпродать всѣхъ своихъ лошадей. И такъ я велѣлъ обработывать сто двадцать десятинъ всѣми сохами, которыя токмо на четыре версты въ околоткѣ найти могъ. За три бороньбы каждой десятины заплатилъ двенадцать ливеровъ, что все и пропало, по тому что надлежало каждую боронить тридцать разъ, слѣдовательно всякая десятина

стала во сто двадцать а все вместе въ четырнадцать тысячь четыреста ливеровъ. Жатва моя, которая въ обыкновенной годъ давала мне до трехъ сотъ четвертей, принесла правду сказать тогда до трехъ сотъ тридцати, каждую въ двадцать ливеровъ, что составитъ шесть тысячь шесть сотъ ливеровъ. И такъ я всего вообще потерялъ семь тысячь восемь сотъ ливеровъ, а въ барышахъ осталась у меня только солома.

Такимъ образомъ я въ конецъ бы раззорился безъ пожитковъ старой тетки, которую искусный врачь мудрствуя надъ своими лекарствами толь же хорошо какъ и я надъ своимъ земледеліемъ, отправилъ на тотъ светъ.

После сего кто бы поверить могъ, что я еще былъ столь слабъ, что дался въ искушеніе дневнымъ запискамъ Будота? Сей славный человекъ по окончаніи уже всехъ моихъ злополучій открылъ было мне прямый путь къ

благополучїю. Въ сочиненїяхъ его начиталъ я, что дабы имѣть четыре тысячи доходу отъ артишоковъ, надобно съ начала положить на нихъ четыре тысячи ливеровъ. Да и дѣйствительно Будотъ возвратилъ бы мнѣ то артишоками, что я потерялъ въ посѣвѣ хлѣба; однако что изъ того послѣдовало? Я издержалъ четыре тысячи ливеровъ, а артишоки поѣли крысы, по чему въ околоткѣ нашемъ всякъ надо мною смѣялся какъ надъ дьяволомъ папафигуеромъ.

Я писалъ о семъ къ Будоту съ выговоромъ, но онъ вмѣсто отвѣта, еще въ дневникѣ своемъ на мой счетъ потѣшился, утверждая безстыдно, что Караивы рождены не красными, по чему я принужденъ былъ послать къ нему свидѣтельство старого Гвадалупскаго Намѣстника, состоящее въ томъ, что Богъ равно Караивовъ создалъ красными какъ и Араповъ черными. Но сїя маленькая побѣда ни мало невозпрепятствовала

мнѣ потерять все до послѣдней копѣйки изъ наслѣдства моей тешки, по тому что много вѣрилъ новымъ системамъ. И такъ, любезный другъ, я тебѣ еще напоминаю: берегись площадныхъ наставниковъ.

НОВАЯ СКОРБЬ

отъ новыхъ Системъ.

Сїя статья взята изъ рукописи стараго Пустынника.

Мнѣ кажется, что если именитые граждане находятъ удовольствїе въ мысленномъ правленїи государствъ и принятїи на себя царскихъ достоинствъ, и если инные почитаютъ себя за Трiптолемовъ и Церерь, то между ими есть и толь высокопарны, которые безъ всякихъ околичностей заняли бы и Божеское мѣсто, и единымъ мигомъ создали бы вселенную, равно какъ и Богъ отъ вѣка единымъ все устроилъ словомъ.

Первый, который предсталъ къ обожанїю моему, былъ нѣкто изъ Ѳалесова или Талесова потомства, именемъ Телїамидъ: сей открылъ мнѣ, что горы и человѣческой родъ произведены морскими водами. Въ началѣ представилъ онъ мнѣ взрачныхъ морскихъ людей, сдѣлавшихся по томъ земноводными, коихъ прекрасный и развилистый плїоскъ мало по малу премѣнился въ лядвею и голень. Превращенїя Овидїя содержалъ я еще въ свѣжей памяти, также и ту книгу, въ которой Писатель доказываетъ, что человѣческое племя есть отродье отъ племени большихъ обезьянъ. Мнѣ столь же прїятно было происходить отъ сихъ животныхъ, какъ и отъ рыбъ.

Спустя нѣсколько времени родословїе сїе казалось мнѣ быть сомнительнымъ, равнымъ образомъ какъ и происхожденїе горъ. Телїамидъ съ удивленїемъ вопрошалъ меня: какъ! вы еще сомнѣваетесь о томъ, что стрежа морская,

выбрасывающая всегда песокъ на обѣ стороны высотою въ десять или двенадцать футовъ, чрезъ безчисленное множество вѣковъ, немогла произвести горы высотою въ двадцать тысячь футовъ изъ песку? Знать, что море по необходимости весь шаръ земной покрывало, чему въ доказательство особливо служитъ то, что на морѣ св. Бернарда найдены были якори, которые лежали тамъ многiе вѣки прежде нежели у насъ началось кораблестроенiе.

Представте себѣ также, что земля наша не иное что, какъ *шаръ стеклянный*, которой долгое время покрытъ былъ водою. Чемъ больше онъ меня увѣрять старался, тѣмъ болѣе приводилъ меня въ сомнѣнiе. Развѣ не видѣли вы, продолжалъ онъ, горы Фалунь, что въ Туринѣ въ 36 верстахъ отъ моря? Она вся состоитъ изъ ракушекъ, которыми вмѣсто навозу угобжаютъ землю. И такъ когда море въ послѣдующiя времена, какъ бы нѣкоторое гнѣздо раковинъ въ 36

верстахъ отъ Океана помѣстило, то для чего бы несогласиться, что оно также и на три тысячи миль чрезъ множество вѣковъ по стеклянному шару разливалось?

Правда, господинъ Телїамидъ, отвѣчалъ я ему, есть люди, которые въ день проходятъ пѣши по пятнадцати миль, однако пятидесяти пройти немогутъ. Я никогда неповѣрю, чтобы садъ мой былъ садъ стеклянный; а что касается до вашей горы фалунь, то я еще и въ томъ сомнѣваюсь, что бы въ оной не было ничего кромѣ морскихъ раковинъ. Легко статься можетъ, что оная не инное что есть, какъ слой мѣлкаго извѣстковаго камня, которой удобно приемлетъ на себя виды раковинокъ, равно какъ и простые камни, изображающїе либо языкъ, либо звѣзды, либо свившихся змѣевъ, либо прелести женскаго пола, также и камни узорчатые, представляющїе дерева или зданїя, хотя они никогда такими небывали, какими намъ быть кажутся.

Если море таковую раковинъ кладь низложило въ Туринѣ, то для чего презрѣло оно Бретанiю, Нормандiю, Пикардiю и другiя страны? Уповательно, что сiя такъ славная фалунь неинако произошла отъ моря, какъ и люди; ибо хотя бы море на 36 верстъ и разливалось, однако изъ того неслѣдуетъ еще, что оно также покрывало пространство и на три тысячи верстъ или и тово болѣе, и что всѣ горы устроены водами. Я бы лучше согласился думать, что Кавказъ произвелъ море, нежели утверждать тому противное.

Да что бы ты господинъ неимовѣрный сказалъ мнѣ о устерсахъ окаменѣлыхъ, которые найдены на хребтахъ Алпiйскихъ?

Я бы сказалъ, господинъ творецъ, что я ни окаменѣлыхъ устерсовъ, ни якорей на вершинѣ горы Кениса невидалъ. Сказалъ бы также уже давно сказанное, что найдены были устричныя раковины (которые легко каменѣютъ)

въ дальнемъ разстояніи отъ моря, и что вырыты были Римскіе медали во сте верстахъ отъ Рима. По чему вѣроятнѣе мнѣ кажется, что ходившіе на поклоненіе къ святому Іакову оставили нѣкоторыя раковины у святаго Мориса, нежели что море составило гору святаго Бернарда.

Правда, есть во многихъ мѣстахъ раковины; однако кто можетъ на томъ утвердиться, что онѣ отъ чешуистыхъ и черепокожныхъ животныхъ нашихъ рѣкъ и озеръ, равно какъ и малыя морскія рыбы?

Право господинъ неимовѣрный! я осмѣю тебя въ томъ свѣтѣ, которой я сотворить намѣренъ.

Во власти вашей, господинъ творецъ; всякой хозяинъ въ своемъ домѣ властелинъ; однако вы меня никогда неувѣрите, что міръ нами обитаемой есть шаръ стеклянной и что раковины служатъ доказательствомъ тому, что Алпійскія и Таврскія горы произве-

дены морем. Вам небезъизвѣстно, что на Американских горах нѣт ни единой раковины: и так думать надобно, что сїя часть свѣта сотворена не вами и что вы создав старой свѣт болѣе трудиться непохотѣли: с вас и етого довольно.

Когда на Американских горах раковин еще нанашли, то со временем найдут.

Таковая рѣчь творцу приличная, которой тайну свою вѣдает и совершен в своем дѣлѣ; я уступаю вам вашу Фалунь, если угодно, только вы уступите мнѣ мои горы. В прочем я ваш покорнѣйшїй слуга.

Между тѣм, как я разговаривал с Телїамидом, Ирландской Езуит преобразившїйся в чужое одѣянїе, в протчем великой Наблюдатель естества, сдѣлал из куколя нѣсколько червячков помощїю исправных микроскопов. Тогда всяк сомнѣнїе оставил, что бы людей неможно было дѣ-

лать изъ хорошаго хлѣба, и тотчасъ начали прибирать органическія части, дабы составить человѣка, да и для чего бы несоставить? Славный Геометръ Фассіонъ удобно воскрешалъ въ Лондонѣ мертвыхъ, а въ Парижѣ также легко можно изъ органическихъ частей составлять живыхъ; но къ крайнему несчастію какъ скоро новосотворенные червячки исчезли, такъ и новые люди пропали спасаясь бѣгствомъ къ монадамъ, которыя встрѣтили они въ полѣ по среди тонкихъ шаровидныхъ и трубчатыхъ составовъ.

Изъ сего заключать недолжно, яко бы изобрѣтатели системъ никакой пользы неприносили: они оказали физикѣ превеликую услугу и труды ихъ достойны великаго уваженія; но они, уподобляются тѣмъ Алхимистамъ, которые дѣлая недѣлающееся руками человѣческими золото, изобрѣли самые прекраснѣйшіе и всякаго любопытства достойныя вещи. Человѣкъ отмѣн-

ныхъ достоинствъ также легко погрѣшить можетъ въ строенiи животныхъ и земнаго шара, какъ бы и всякой простакъ.

Рыбы, превратившiяся въ людей, и воды въ горные хребты, несколько нанесли мнѣ бѣдствiя, какъ господинъ Будотъ; однако я былъ доволенъ тѣмъ, что могъ быть въ сомнѣнiи спокоенъ, когда Лапонъ принялъ меня въ свое покровительство. Онъ былъ глубокомысленный философъ и человѣкъ весьма строгiй къ тѣмъ, кои непослѣдовали его мнѣнiю. Во первыхъ онъ научалъ меня ясно узнавать будущее, возвышая мою душу, а я напрягая всѣ свои силы къ достиженiю сего возвышенiя духа, сильно было отъ того занемогъ; но онъ облѣпивъ меня съ ногъ до головы варомъ, тотчасъ вылѣчилъ.

Я едва еще могъ бродить, какъ предложилъ онъ мнѣ путь въ полуденныя страны, дабы тамъ разсѣкая головы Исполиновъ, можно было познать яснѣе

свойства души. Но какъ я морской ѣзды сносить немогъ, то онъ согласился проводить меня сухимъ путемъ, и для сего приказалъ вырыть весьма глубокую яму, которая прямо вела къ Патагонамъ. По томъ отправились мы въ путь и я при самомъ входѣ въ яму переломилъ себѣ ногу, которую мнѣ выправили съ великимъ трудомъ, и на ней наросла шишка, служившая мнѣ къ немалому облегченїю.

Все сїе сказано уже было мною и прежде въ одномъ изъ моихъ сочиненїй, дабы наставить свѣтъ, крайне внимающїй симъ великимъ дѣламъ. Лѣтами я уже довольно старъ, и такъ съ охотою повторяю иногда свои сказки, что бы тѣмъ лучше впечатлѣть оныя юношамъ, для коихъ я съ толь долгаго времени труды свои истощеваю.

ЖЕНИДЬБА ЧЕЛОВѢКА
въ сорокъ талеровъ.

Человѣкъ въ 40 талеровъ сдѣлавшись уже человѣкомъ гораздо просвѣщеннѣйшимъ и наживъ небольшое имѣніе, женился на прекрасной дѣвицѣ, имѣющей доходу сто талеровъ. Жена его вскорѣ обѣщала ему дѣтей, чего ради онъ сыскавъ своего Геометра спрашивалъ у него, дочь ли мнѣ хозяйка или сына родитъ. Геометръ отвѣчалъ, что повивальныя бабки и горнишныя служанки знаютъ о семъ весьма хорошо изъ собственныхъ опытовъ; что же касается до физиковъ, которые затьмѣніе солнца и луны предсказываютъ, то они въ семъ дѣлѣ не столь великіе знатоки, какъ первые.

По томъ хотѣлось ему знать, имѣетъ ли уже сынъ его или дочь душу. Геометръ представлялъ, что сіе до него ненадлежитъ, и что поговорить о томъ надобно съ Богословами на распутьѣ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ или по крайней мѣрѣ въ двѣсти, спрашивалъ еще у него, въ какомъ мѣстѣ находится младенецъ? Въ маленькой мошонкѣ, отвѣчалъ ему его другъ, между мочевымъ пузыремъ и проходнсю кишкою. О великїй Боже! вскричалъ онъ, сынъ мой раждается и обитаетъ между уриною и тѣмъ, что еще и урины хуже! Конечно такъ, любезный сосѣдъ, да и самые Папы и Кардиналы другой колыбели неимѣютъ; но несмотря на то многїе весьма люди величаются и гордятся своею породою.

Ахъ! не можете ли вы государь мой сказать мнѣ, отъ чего дѣти родятся?

Нѣтъ дружокъ; а если ты хочешь, такъ я объявлю тебѣ о семъ мнѣнїе философовъ.

Во первыхъ, почтенной отецъ *Санше* въ преизящной своей книгѣ, *де Матримонїо*, то есть о супружествѣ, во всемъ держится мнѣнїя Ипократа и заподлинно утверждаетъ, что двѣ жид-

кїя матерїи исходя отъ мущины и женщины соединяются вмѣстѣ, и что во мгновенїе ока помощїю онаго совокупленїя бываетъ зачатїе. Къ сей физической системѣ, учинившейся по томъ богословскою, столь онъ сильно прилѣпился, что въ 21 главѣ второй книги изслѣдываетъ нѣкоторой весьма дерзской вопросъ.

Новобрачный чрезмѣрно насмѣхался г. *Саншѣ*, однако былъ крайне доволенъ Ипократомъ, лаская себя, что супруга его исполнила всѣ предписанныя имъ средства къ зачатїю младенца.

Но къ нещастїю его, говорилъ ему сосѣдъ, есть много такихъ женщинъ, которыя никакой влажности неиспускаютъ и объятїя своихъ мужей принимаютъ съ великимъ отвращенїемъ; однакожъ имѣютъ отъ нихъ дѣтей, что противурѣчитъ положенїю Ипократа и Санше.

Сверхъ сего заподлинно извѣстно, что естество въ одинакихъ случаяхъ

всегда по одинакимъ дѣйствуетъ правиламъ. Но поелику есть многїе роды животныхъ, которые безъ всякаго совокупленїя раждаютъ, какъ то: чешуйчетыя рыбы, устерсы, древоточныя черви и проч. то надлежало, что бы физики изобрѣли механическїй способъ рожденїя, свойственный вообще всѣмъ живошнымъ. Славный Гервей, который достоинъ былъ открыть таинства естества, надежно утверждалъ, что онъ нашелъ таковой способъ въ курицахъ, положивъ, что и женщины также какъ онѣ кладутъ яица. Насмѣшники говорили, что для сей то самой причины Парижскїе жители, также и придворные называютъ своихъ женъ или любовницъ курочками (*ма пуль*,) и что женщины для того слывутъ кокеткамм, что онѣ крайнее прилагаютъ старанїе нравиться пѣтухамъ; ибо слово кокетка происходитъ отъ Французскаго слова *Кокъ*, что значитъ пѣтуха. Однако *Гервей*, не смотря на сїи ругательства, неперемѣ-

нилъ, своего имѣнія, да и вся Европа въ томъ согласна, что мы происходимъ изъ яицъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Вы., государь мой, сказали, что естество всегда непремѣнно, и что въ одинакихъ случаяхъ дѣйствуетъ всегда по одинакимъ и правиламъ? но женщины, кобылы, ослицы и угри никогда яицъ накладутъ, такъ по етому вы надо мною смѣетесь?

Геометръ.

Правда, что онѣ некладутъ ихъ въ гнѣздахъ; но вмѣсто того кладутъ внутри и имѣютъ яишной наростъ, какъ и птицы. Яицы отстаютъ отъ наросту и насѣдъ ихъ бываетъ въ маткѣ: подобнымъ образомъ и чешуистыя рыбы и лягушки мечутъ яица, кои самцы оплодороживаютъ. Киты и другія сего рода животныя высиживаютъ свои яица въ маткахъ, а хлѣбные червячки и моль, очевидно раждаются изъ оныхъ. Сло-

вомъ: все происходятъ изъ яицъ, да и самой земной шаръ не инное что есть, какъ большое яйцо, которое въ себѣ всѣ прочія содержитъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Мнѣ кажется, что сію систему должно неинако признавать какъ за истинную; ибо она проста, единообразна и почти изъ большей части животныхъ доказана; я ею чрезмѣрно доволенъ, другой мнѣ ненадобно; яица моей жены для меня васьма драгоцѣнны.

Геометръ.

Система сія отъ долговременности пришла уже въ забвеніе, и теперь производятъ дѣтей другимъ образомъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

А для чего? не для того ли, что система сія столь проста?

Геометръ.

Никакъ, но для того, что женщины неимѣютъ наростовъ, а только малень-

кїя железы, какъ нѣкоторые утверждаютъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

А я думалъ, что тѣ, кои хотѣли ввести новую систему, старались только противорѣчить тѣмъ, кои принимали старую.

Геометръ.

Сїе легко статься можетъ. Два голландца, покусившись изслѣдовать помощїю микроскопа плодородную влажность, какъ человѣческую, такъ и другихъ животныхъ, увидѣли въ оной тварей уже совсемъ сотворенныхъ, которыя съ непостижимою скоростїю двигались; тоже самое примѣтили они и въ сѣменахъ пѣтуховъ, изъ чего и заключили, что самцы дѣлаютъ все, а самки ничего, и ни къ чему болѣе неслужатъ, какъ только носить порученное имъ сокровище самцами.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Вотъ еще какїя чудеса! но я сомнѣваюсь, чтобы сїи маленькїя животныя

для того только двигались съ чрезвычайною скоростїю, что бы быть по томъ вовсе неподвижными въ птичьихъ яицахъ, а въ женскомъ чревѣ неимѣть иннаго движенїя кромѣ самаго слабаго и весьма медлительнаго обращенїя; сїе кажется для меня весьма странно. Однако скажите пожалуйте, какой имѣютъ видъ эти маленькїе человѣчки, которые по вашимъ словамъ столь скоро движутся.

Геометръ.

Такой какъ и червячки; по чему и былъ медикъ *Андри*, который вездѣ находилъ червей и всячески опровергнуть старался *Гервееву* систему. Онъ бы также истребилъ и обращенїе крови, еслибъ можно было, по тому что оное изобрѣлъ другой. Наконецъ оба Голландцы и господинъ *Андри*, по многочисленнымъ заблужденїямъ *Онама* и по изслѣдованїи чрезъ микроскопъ вышепомянутыхъ дѣйствїй, изъ человѣка сдѣ-

лали червя. И такъ по мнѣнїю ихъ, когда мы еще находимся въ сорочкѣ, то бываемъ куколкою, такъ какъ и оные червячки, которыхъ крестьяне бобками называютъ, а потомъ, когда изъ червячка дѣлается бабочка, то мы дѣлаемся людьми. Вотъ каково наше превращенїе.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Изрядно! но остановились ли на семъ мнѣнїи, или послѣ того выдумывали еще новыя?

Геометръ.

Быть червякомъ всякъ погнушался, и для того одинъ весьма забавный мудрецъ объявляетъ въ такъ называемой книгѣ *физическая Венера*, что дѣти отъ притяжанїя раждаются; и сїе такъ происходитъ: когда зародышъ въ матку заходитъ, то правой глазъ привлекаетъ къ себѣ лѣвой, которой къ нему и приближается, дабы соединясь вмѣстѣ составить одинъ глазъ, но попавшїйся

на пути носЪ вЪ томЪ ему препятствуетЪ и принуждаетЪ его помѣститься по лѣвую сторону. Тоже самое бываетЪ сЪ руками, лядвеями и ногами, которые отЪ лядвей зависятЪ. СимЪ заключенїемЪ весьма трудно изъяснить положенїе сосцовЪ и ягодицЪ. Именитый нашЪ философЪ нимало участїя неприписываетЪ Всевышнему Творцу вЪ произведенїи животныхЪ и совсѣмЪ тому невѣритЪ, что сердце сотворено для принятїя и испусканїя крови, желудокЪ для варенїя пищи, глаза для зрѣнїя, уши для слуху; все сїе незаслуживаетЪ его вниманїя, ибо по мнѣнїю его все дѣлается чрезЪ притяжанїе.

ЧеловѣкЪ вЪ сорокЪ талеровЪ.

Таковаго можно уже назвать сущимЪ глупцомЪ. Я думаю, что сему нелѣпому мнѣнїю никто непослѣдовалЪ.

ГеометрЪ.

Самая правда, его и дѣйствительно вездѣ осмѣяли; но всего досаднѣе, что

сей безумецъ уподобился Богословамъ, которые всѣми силами гонятъ тѣхъ, коихъ заставляютъ они себѣ смѣяться.

Другіе философы выдумали еще новыя средства для произведенія животныхъ или ихъ возрожденія, но они нелучшій имѣли успѣхъ, какъ и первые. Они утверждаютъ, что не руки ищутъ рукъ, ниже лядвеи бѣгаютъ за лядвеями, но что нѣжныя и маленькія частицы оныхъ одна на другую садятся. Можетъ быть наконецъ опять, потерявъ толь много времени, принуждены будутъ приняться за яицы.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Я тому весьма радъ буду; но что вышло изъ всѣхъ сихъ преній?

Геометръ.

Сомнѣніе. А еслибы сей спорный запросъ былъ между Богословами, то бы проклятіе послѣдовало и многіе безвинно пролили бы свою кровь; что же касается до Физиковъ, то они тотчасъ

примирились и всякой покоился со своею супругою, нимало непомышляя о яишномъ наростѣ, ниже о Фаллопїевыхъ трубахъ, а жены обрюхатѣвъ, совсѣмъ неспрашивали о томъ, какъ сїе таинство совершается. Подобное сему бываетъ и между вами, когда вы засѣвая хлѣбъ, совсѣмъ незнаете, какимъ образомъ оный отпрыски въ землѣ пускаетъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Какъ! я ето довольно знаю; мнѣ сказывали, что сїе дѣлается чрезъ разверстїе; однако иногда всему сказанному смѣяться принужденъ бываю.

Геометръ.

То и хорошо: я самъ тебѣ совѣтую ничему невѣрить, кромѣ тому, что три угла въ треугольникѣ равны двумъ прямымъ; что треугольники имѣющїе одинакое основанїе и высоту, равны между собою, и другимъ подобнымъ

предложенїямъ, какъ то: дважды два составляютъ четыре.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Да я и самъ думаю, что невѣрить есть весьма разумное дѣло; однако я, поправившись именїемъ и имѣя праздное время, сдѣлался любопытнымъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, по какой пружинѣ двигаются мои руки или ноги, когда желанїе мое оными дѣйствуетъ; ибо пружинѣ сей неотмѣнно быть надлежитъ. Иногда я совсѣмъ недоумѣваю, что будучи въ состоянїи смыкать и отворять глаза, немогу подымать ушей. Думаю, разсуждаю, хочу знать немножко.... такъ.... чуть неотгадаю, что хочу знать. Ето для меня крайне любопытно. Я изыскиваю теперь, самъ ли я думаю, Богъ ли даетъ мнѣ воображенїе, въ шесть ли недѣль или въ одинъ день душа моя въ тѣло вселилась, какъ она водворяется въ моемъ мозгѣ, много ли я разсуждаю въ глубокомъ снѣ или

когда въ изступленіи бываю. Я ломаю голову, чтобы узнать, какимъ образомъ одно тѣло толкаетъ другое; также и чувства мои неменѣе меня удивляютъ, въ коихъ нахожу я нѣчто божественное, а особливо въ забавѣ. Иногда напрягаю всѣ свои силы, дабы выдумать новое чувствованіе; но все неудачно. Геометры, думать надобно, все сіе знаютъ; такъ наставте меня пожалуйте.

Геометръ.

Мы такіе же въ семъ невѣжи, какъ и ты, прибѣгни лучше къ Сорбонѣ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СОРОКЪ ТАЛЕРОВЪ

сдѣлавшись отцемъ

разсуждаетъ о монахахъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ приживъ одного токмо сына, началъ почитать себя нѣсколько уже несноснымъ государству; ибо онъ надѣялся доставить оному, по крайней мѣрѣ, де-

сяти полезныхъ подданныхъ. Самъ онъ дѣлалъ прекраснѣйшїя корзинки, а жена его была найлучшая швея. Она родилась въ окрестности великаго Игуменства, имѣющаго сто тысячь ливеровъ доходу. Мужъ ея спрашивалъ меня нѣкогда, для чего господа онаго монастыря, будучи сами въ малолюдствѣ, толь многїе сороки талеровъ издерживаютъ? Развѣ они полезнѣе меня отечеству? Нѣтъ, любезный сосѣдъ. Стараютсяль они по моему о населенїи государства? По видимому совсѣмъ нѣтъ. Пашутъ ли они землю? защищаютъ ли отечество, когда оно угнѣтаемо бываетъ? Нѣтъ, они молятся за тебя Богу. Изрядно, такъ и я за нихъ молиться буду, а отъ нихъ получать за то денежки для себя и для тѣхъ, кои въ нихъ имѣютъ великую нужду.

Сколько думаете вы монастыри заключаютъ въ себѣ сихъ полезныхъ для государства людей какъ женскаго, такъ и мужескаго полу? По запискамъ Нитен-

дантовъ, учиненнымъ въ концѣ послѣдняго столѣтїя, было ихъ около девяноста тысячь. Слѣдовательно по старому нашему счету, то есть по сороку талеровъ на человѣка, должны они имѣть десять милїоновъ восемь сотъ тысячь ливеровъ. Однако сколько они имѣютъ? Пятьдесятъ миллїоновъ, несчитая кружки и подаваемой милостыни нищенскiй образъ носящимъ монахамъ, которые сущую и немалую налагаютъ на народъ подать. Одинъ ихъ сборщикъ въ Парижѣ хвалится самъ, что котомка его приноситъ ему ежегодно по осьмидесяти тысячь ливеровъ. Такъ посмотрите, по скольку достанется на брата, раздѣливъ 50 миллїоновъ на девяносто тысячь стриженыхъ монашескихъ головъ? По пяти сотъ пятидесяти пяти ливеровъ. Ета сумма нарочито велика, а особливо во многолюдномъ обществѣ, гдѣ расходы по числу расточителей уменьшаются; ибо десять человѣкъ, живучи вмѣстѣ, гораздо меньше издер-

живаютъ, нежели когда каждой изъ нихъ имѣетъ особой столъ и особое жилище. По етому непричетные Езуиты, которымъ даютъ теперь по четыреста ливеровъ пенсіи, безъ сомнѣнія многихъ выгодъ лишились? Я недумаю, по тому, что они почти всѣ живутъ у своихъ родственниковъ, которые имъ вспомоществуютъ; многіе изъ нихъ говорятъ мшу за деньги, чего прежде небывало; иные отправляютъ должность учителей, другіе живутъ иждивеніемъ набожныхъ женщинъ, словомъ, всякъ не безъ призрѣнія; и можетъ быть теперь наслаждаясь свѣтскимъ обращеніемъ и вольностію, весьма мало сыщется такихъ, которые бы захотѣли надѣть на себя прежніе оковы. Старческая жизнь, чтобы объ ней ни говорили, есть жизнь нимало незавидная. Всякъ знаетъ, что монахи суть такіе люди, которые собираются въ монастырь, невѣдая другъ друга, живутъ безъ взаимной любви и умираютъ безъ прискорбія. Такъ вы

думаете, что имъ бы оказали отмѣнную услугу, еслибъ ихъ растригли? Конечно, они бы чрезъ то много выиграли, а государство и того болѣе; отечеству возвратили бы гражданъ, которые безразсудно жертвовали вольностїю своею въ такихъ лѣтахъ, когда еще законы располагать ничемъ и въ десять копѣекъ недозволяютъ. Сїи мертвыя тѣла извлеченыбъ были изъ гробовъ, и тогда бы истинное воспослѣдовало воскресенїе. Изъ ихъ бы домовъ подѣлали ратуши, больницы, народные училища или полезные заводы. Народъ бы отъ того умножился и всѣ бы художества процвѣтать стали. Сїе множество добровольныхъ жертвъ по крайней мѣрѣ можно бы было уменьшить, назначивъ ихъ извѣстное число. Отечество больше бы имѣло полезныхъ людей, а менѣе нещастныхъ. Сїе есть мнѣнїе всѣхъ просвѣщенныхъ законодателей и законоучителей, и единодушное желанїе публики съ того времени, какъ умы про-

свѣшились. Примѣръ Англiи и другихъ толь многихъ государствъ служитъ очевиднымъ доказашельсшвомъ, сколь нужно есть отрѣшенiе оныхъ. Чтобы дѣлала теперь Англiя, если бы она вмѣсто сорока тысячь мореходцовъ, имѣла сорокъ тысячь монаховъ? Чемъ болѣе художества разпросшраняются, тѣмъ большее требуется число трудолюбивыхъ гражданъ. Извѣстно также, что въ монастыряхъ много людей съ отмѣнными дарованiями заключается, которые въ разсужденiи государства погибшими почесться могутъ. Для приведенiя въ цвѣтущее состоянiе правительствъ, надлежитъ имѣть какъ возможно менѣе духовенства и какъ возможно болѣе художниковъ. Невѣжество и грубость нашихъ предковъ не есть правило для насъ въ поступкахъ нашихъ, но предувѣдомленiе поступать такъ, какъ бы они сами поступали, еслибъ были столь просвѣщены какъ мы. Изъ сего заключаю я, что вы не

по злобѣ къ монахамъ, но отъ сожалѣнія къ нимъ и любви къ отечеству, хотите ихъ уничтожить. Я въ томъ съ вами согласенъ, и не хочу, что бы сынъ мой былъ монахомъ. Въ протчемъ ежели бы я зналъ, что мнѣ дѣтей имѣть должно для монастыря, то бы право и съ женою болѣе спать нсталъ. Да и правду сказать, какой бы доброй и чадолюбивый отецъ невоздыхалъ, видя своего сына или дочь для общества погибшихъ? Сіе называется спасаться; но солдатъ, когда во время сраженія спасается, то за то наказанъ бываетъ. Мы же въ разсужденіи отечества нашего всѣ солдаты, живемъ на жалованьѣ общества, и по тому когда оставляемъ оное, дѣлаемся измѣнниками. Но полно, что говорить? Монахи всѣ вообще суть убійцы, истребляющіе цѣлое потомство. Девяносто тысячь затворниковъ, которые болтаютъ или гнусятъ по латыни, могли бы каждой изъ нихъ произвести двухъ подданныхъ Госу-

дарству, что составитъ сто восемьдесятъ тысячь человѣкъ, коихъ они въ безженствѣ своемъ погубляютъ. По прошествіи ста лѣтъ утрата сія чрезмѣрно велика, что ясно уже доказано.

Для чего же духовенство такъ усилилось? Для того, что правленіе отъ временъ Константина вездѣ было непорядочное и непросвѣщенное; что Римская Имперія болѣе имѣла монаховъ, нежели военныхъ людей; что въ одномъ Египтѣ было ихъ около ста тысячь; что они незнали ни трудовъ, ни подашей; что Начальники варварскихъ народовъ, разоривъ Имперію и принявъ Христіанской законъ, дабы управлять Христіанами, учинились жестокосердыми ихъ мучителями; что народъ тогда, дабы укрыться отъ буйства и неистовства тирановъ, толпами валился въ монастыри, и убѣгая раболѣпства раболѣпству подвергался; что Папы установивъ многоразличные ордены привели многихъ тунеядцовъ себѣ въ

подданство изъ другихъ государствъ и народовъ; что крестьянинъ лучше захотѣлъ быть именованъ почтеннымъ отцемъ и давать другимъ благословенïе, нежели ходить за сохою, того неразсудивъ, что соха благороднѣе камилавки, и лучше желалъ жить на иждивенïи безумцовъ, нежели честнымъ трудомъ, и такъ въ невѣжествѣ своемъ надѣвая старческую одежду, предуготовлялъ себѣ злощастную съ горестïю и раскаянïемъ соплетенную жизнь. Мы поговоримъ еще болѣе о монахахъ, какъ для ихъ, такъ и для нашего благополучïя. Мнѣ весьма досадно слушать, какъ помѣщику моему, имѣющему четырехъ сыновей и три дочери, то и дѣло твердятъ, что бы онъ дочерей своихъ отдалъ въ монастырь; а когда не то, то онъ и самъ небудетъ знать куда съ ними дѣваться. Такая рѣчь часто повторяемая есть безчеловѣчна, противна отечеству и пагубна обществу.

Если бы всѣ люди въ свѣтѣ, презрѣли другія состоянія жизни, и избрали одно только состояніе старческое, то бы человѣческій родъ весь истребился; довольно извѣстно, что такая жизнь ни къ чему негодна, и что тотъ, который оную избираетъ, нетокмо непоспѣшествуетъ общему благу, но еще по мѣрѣ силъ своихъ и вредъ наноситъ. И такъ если бы всѣ юноши и дѣвицы заключались въ монастыри, то бы родъ нашъ совсѣмъ пресѣкся; слѣдовательно неупоминая о другихъ жестокихъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ иногда сего званія людьми, монашество противно самому человѣчеству.

Не можно ли сего также сказать и о солдатахъ?

Нѣтъ; ибо если бы всякой гражданинъ при очередѣ своей носилъ ружье, какъ то было нѣкогда во всѣхъ республикахъ, а особливо въ Римской, то бы солдатъ отъ сего былъ найлучшій зе-

мледѣлецъ; солдатъ и купно гражданинъ вступаетъ въ супружество и ополчается на брань за свою жену и дѣтей. Дай Богъ, что бы всѣ земледѣльцы были солдатами и имѣли женъ! Тогда бы у насъ были найлучшїе граждане. О монахахъ же особливаго ничего сказать неможно, какъ токмо то, что они пожираютъ имѣнїе своего ближняго. Справедливость сїя всему свѣту извѣстна.

Однако дочери бѣдныхъ дворянъ, коихъ они замужъ выдать не въ силахъ, что будутъ дѣлать?

То, какъ уже тысячу разъ твержено, что дѣлаютъ дѣвицы въ Англїи, въ Шотландїи, Ирландїи, Швейцарїи, Голландїи, въ одной половинѣ Германїи, Швецїи, Норвегїи, Данїи, Татарїи, Турцїи, Африкѣ и почти во всемъ свѣтѣ. Изъ нихъ были бы гораздо лучшїя жены и нѣжнѣйшїя матери, если бы ихъ по обычаю Нѣмцовъ брали въ супружество безъ приданаго. Домовитая и трудолюбивая хозяйка несравненно полезнѣе въ домѣ,

нежели дочь казначая, которая болѣе на прихоти расточаетъ, нежели сколько съ собою приноситъ мужу. Надобно имѣть домы, долженствующїе служить убѣжищемъ для старыхъ, немощныхъ и изуродованныхъ. Но у насъ напротивъ того отъ гнуснѣйшаго злоупотребленїя созидаютъ огромныя зданїя для юношества и людей во всемъ совершенныхъ и при томъ достаточныхъ. Въ монастыряхъ, несмотря на законы цѣломудрїя, принуждаютъ обоего пола вступающихъ въ сей новой родъ жизни показывать свою наготу, и осматриваютъ ихъ въ округъ съ ногъ до головы. Но пускай прїйдетъ согбенная лѣтами старушка просить старческой одежды, то если некупитъ оной за великїя деньги, прогонятъ ее съ поруганїемъ. Словомъ, каждая монахиня должна быть зажиточна, инако она всегда бываетъ посмѣянїемъ всего монастыря. Несноснѣе сего злоупотребленїя еще никогда небывало.

Изрядно, государь мой, изрядно, я вамъ клянусь, что дочери мои никогда небудутъ монахинями. Онѣ у меня учиться станутъ прясть, шить, дѣлать круживо, вышивать золотомъ, весть порядочно домашнее хозяйство и быть полезными. Я почитаю монастырь пагубнымъ для отечества и для самого себя.

Однако скажите пожалуйте, можетъ ли быть справедливо, что одинъ изъ моихъ друзей, дабы противорѣчить всему свѣту, утверждаетъ, что монахи много поспѣшествуютъ къ населенїю государства, потому что домы ихъ гораздо великолѣпнѣе, нежели домы знатныхъ господъ, и земли ихъ лучше всѣхъ другихъ вспаханы.

Кто бы ето былъ другъ твой, который говоритъ столь нелѣпо?

Онъ другъ людей, или лучше сказать другъ монаховъ.

По етому онъ сказалъ сїе въ насмѣшку; ибо онъ довольно знаетъ, что де-

сять сѣмей, изъ коихъ каждая имѣетъ по пяти тысячь ливеровъ доходу съ земель, въ тысячу разъ полезнѣе монастыря, которой пользуется доходомъ пятидесяти тысячь, и деньги копитъ всегда тайно. Онъ выхваляетъ прекрасные домы выстроенные монахами, для того, что сїе особливо раздражаетъ гражданъ и причиною бываетъ жалобъ всей Европы. Обѣты нищеты непрїемлютъ огромныхъ зданїй, равно какъ и обѣтъ униженїя прекословитъ гордости, и обѣтъ уничтожать свое племя противенъ естеству.

Теперь я вѣрить начинаю, что на книги полагаться много недолжно.

Съ ними поступать надобно такъ, какъ поступаютъ съ людьми: выбирать изъ нихъ разумнѣйшїя и ихъ разсматривать, а вручать себя завсегда провидѣнїю Божїю.

НАЛОГИ

платимые иностранцамъ.

Мѣсяцъ тому назадъ, какъ человѣкъ въ сорокъ талеровъ пришелъ ко мнѣ, и ухватясь обѣими руками за бока смѣялся толь сильно, что и я незная причины его смѣха началъ хохотать; вотъ какъ мы рождены подражательными, какъ природа нами правитъ, и какъ сообразны движенія души нашей. Давно уже сказано:

съ радующимися радоватися, а съ плачущими плакать свойственно человѣку.

Наконецъ по долговременномъ смѣхѣ, говорилъ онъ мнѣ, что встрѣтился съ человѣкомъ, который сказался протонотаріусомъ святаго стула, что сей человѣкъ послалъ нарочитую сумму денегъ къ находящемуся отсюда въ трехъ стахъ миляхъ Италіанцу, на имя Француза, коему Король небольшую пожаловалъ дачу, и что сей Французъ нико-

гда бы немогъ пользоваться благодѣянїемъ своего Государя, еслибъ перваго своего годоваго доходу недалъ оному Италїанцу.

Ето весьма справедливо, говорилъ я ему, однако нимало несмѣшно. Францїя ежегодно платитъ по крайней мѣрѣ четырмя стами тысячь ливеровъ Италїи сїю поносную дань, и въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, какъ стала оную ей платить, внесла уже въ Римъ восемьдесятъ миллїоновъ.

Боже мой, вскричалъ онъ, сколь много сороковъ талеровъ! Такъ мы уже двѣсти пятьдесятъ лѣтъ подъ игомъ Италїанца! и онъ наложилъ на насъ сїю дань!

Конечно онъ, отвѣчалъ я ему, и съ начала были мы гораздо болѣе отъ него отягощены нежели нынѣ. Ето еще бездѣлица въ разсужденїи того, что онъ съ бѣднаго отечества нашего и другихъ Европейскихъ государствъ собралъ. Тогда я расказалъ ему, какимъ образомъ

духовенство грабежъ свой разпространило, а онъ зная нѣсколько исторіи, и имѣя здравый разсудокъ, легко понялъ, что мы жили прежде въ неволѣ, отъ коей остатки оковъ еще и теперь на насъ видны. Долгое время, говорилъ онъ, съ крайнимъ огорченіемъ о семъ злоупотребленіи, но о законѣ съ какимъ благоговѣніемъ! Сколь много почиталъ онъ Епископовъ, и сколь много желалъ имъ сороковъ талеровъ, дабы они въ Епархіяхъ своихъ употребляли оныя на добрыя дѣла! Онъ говорилъ также, что бы и всѣмъ сельскимъ попамъ опредѣлить извѣстное число сороковъ талеровъ, дабы они жить могли благопристойно. Сколь жалостное состояніе, продолжалъ онъ, пастыря, который со стадомъ своимъ принужденъ бываетъ спорить о трехъ снопахъ хлѣба, и сколь поносное дѣло безпрестанную вести тяжбу со своимъ господиномъ. Непрерывныя вражды о мнимыхъ правахъ и десятинахъ умаляютъ достодолжное

къ нему почтенїе. Бѣдной земледѣлецъ заплатилъ указную десятину и двѣ копѣйки съ ливера, также подать, подушной окладъ и за салдатской постой, когда уже оной былъ, и проч. видя что у него похищаютъ еще десятину отъ его жатвы для попа, почитаетъ не за пастыря болѣе онаго, но за хищнаго волка, которой и послѣднюю съ него сдираетъ кожу; ибо ему сїе крайне чувствительно, что отнимая у него безчеловѣчно десятой снопъ хлѣба, нимало неберутъ въ разсужденїе, во что оной ему сталъ въ посѣвѣ: такъ что останется ему и его семьѣ? слезы, нищета, горесть, отчаянїе и скорая смерть отъ голода и трудовъ. На противъ того, если бы церковныхъ служителей содержало правительство, то бы они были утѣшенїемъ, а не врагами своихъ прихожанъ.

Сей добродѣтельный человѣкъ съ жалостїю произносилъ сїи слова. Онъ любилъ свое отечество и жизнїю своею

жертвовалъ общему благу, а иногда съ прискорбностію вопіялъ, что за государство Франція!

Послѣ сего пошли мы смотрѣть его сына, коего мать порядочно одѣтая, кормила своими сосцами. Дитя было премилое. Отецъ взглянувъ на оное, сказалъ, ахъ! сынъ мой, ты рожденъ чрезъ меня, но жить тебѣ только двадцать три года, и жить при томъ съ однимъ сорокомъ талеровъ.

О ПРОПОРЦІЯХЪ
ИЛИ
УРАВНЕНІЯХЪ.

Произведеніе крайнихъ равно произведенію среднихъ; однако два украденные мѣшка хлѣба неравны ихъ похитителямъ, такъ какъ лишеніе жизни похитителей, неравно пользѣ того, у коего оные украдены.

Настоятель Де.... повѣсилъ двухъ своихъ приказчиковъ за то, что они

похитили у него два четверика хлѣба. Сїя казнь стоила болѣе ему нежели вся его жатва; ибо съ того времени никто неидетъ къ нему во услуженїе.

Если бы законы повелѣвали, ворующимъ хлѣбъ у своего господина, пахать его поле чрезъ всю свою жизнь въ желѣзахъ и съ прикрѣпленнымъ къ коженому ошейнику колокольчикомъ, што бы Настоятель оной получилъ отъ того немалую пользу.

Надобно неотмѣнно стращать бездѣльниковъ; однако невольная работа и долговременное поношенїе болѣе приводятъ ихъ въ страхъ нежели висѣлица.

За нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ въ Лондонѣ присудили злодѣя сослать въ Америку на сахарные заводы для работы. Въ Англїи, такъ какъ и во многихъ другихъ государствахъ бываетъ, всякой преступникъ имѣетъ свободу подавать Королю прошенїе, или о полученїи совершенной милости, или о

уменьшенiи его наказанiя. Сей же преступникЪ подалЪ прошенiе, что бы его повѣсить, представляя, что онЪ смертельно ненавидитЪ работу и что лучше желаетЪ удавленЪ быть вЪ одну минуту, нежели работать на сахарныхЪ заводахЪ чрезЪ всю свою жизнь.

Другiе пусть разсуждаютЪ о семЪ какЪ хотятЪ, однако напомнить надобно, хотя уже и довольно говорено, что повѣшенный ни кЪ чему доброму неслужитЪ, наказанiя же должны быть полезны.

Нѣсколько лѣтЪ тому назадЪ, какЪ посадили вЪ Татарiи двухЪ человѣкЪ на колЪ за то, что они во время хода вЪ присутствiи Ламы смотрѣли вЪ шапкахЪ. Китайскiй ИмператорЪ, Государь великаго разума, говорилЪ, что онЪ бы имЪ присудилЪ ходить три мѣсяца за онымЪ сЪ непокрытыми головами.

Уравнивай наказанія съ преступленіемъ, говоритъ Маркизъ *Беккарія*;* предписатели законовъ въ геометріи были неискусны.

Повѣсилъ лы бы ты Аббата Гуїона или Коже или непричетныхъ Езуитовъ Ноноттa и Патвилета, или проповѣдника Бомелла за то, что они сочиняютъ нелѣпыя книги, въ которыхъ нѣтъ ни справедливости, ни разума, ни смыслу, такъ какъ Настоятель де...повѣ-

* Маркизъ *Беккарія*, уроженецъ Италійскій, сочинилъ книгу о *преступленіяхъ и накаказаніяхъ*, коея важность предмѣта и превосходныя объ ономъ разсужденія Писателя, обратили вниманіе всѣхъ Отцовъ народныхъ, такъ же и ученыхъ, и произвели въ Европѣ великую перемѣну касательно законоположеній по уголовной части. Г. *Волтеръ* присовокупилъ къ Французскому переводу сея драгоцѣнныя для человѣколюбивыхъ людей книги и свои мысли въ видѣ изъясненій или истолкованій. Оная напечатана такъ же со многими важными примѣчаніями, не токмо на Аглинскомъ языкѣ но и на всѣхъ почти другихъ Европейскихъ кромѣ Россійскаго, на которомъ хотя въ переводѣ и имѣется у кого либо изъ частныхъ людей, но конечно неиздана по нынѣ для того, что таковаго роду книги у насъ вовсе почти неимѣютъ на отечественномъ языкѣ расходу. При *Императорской* Академіи Наукъ напечатана весьма хорошая и важная для каждаго гражданина книжка: *Юстія о силѣ и благоестояніи царствъ*, однако же оная имѣетъ

силъ двухъ своихъ приказчиковъ. Сїе же можно бы было сдѣлать подъ тѣмъ видомъ, что порицатели болѣе грѣшатъ нежели воры.

Осудилъ ли бы также на каторгу Фрерона, для того, что онъ поносилъ хорошїй вкусъ и лгалъ во всю свою жизнь, дабы достать на чару вина.

Вывелъ ли бы ты къ столбу г. Ларше за то, что онъ былъ весьма коваренъ, что беззаконїе усугублялъ беззаконїемъ, что справедливости никогда отличать неумѣлъ отъ лжи, и что утверждалъ безстыдно, якобы въ древ-

столь худой расходъ, что если бы ее частной человѣкъ издалъ, то вѣрно бы впредъ никогда непоохотился и при нарочитомъ достаткѣ печатать таковыхъ книгъ. — Въ типографїи же Морскаго Кадетскаго корпуса напечатана вышепомянутаго славнаго Писателя *Марк. Беккарїя* книжка состоящая изъ четырехъ или пяти токмо листовъ *о добродѣтеляхъ и награжденїяхъ* еще въ 1769 году, но и по нынѣ самой малой ея первый заводъ неразошелся. — Вотъ причина, которая удерживаетъ многихъ можетъ быть благонамѣренныхъ людей отъ печатанїя подобныхъ полезныхъ книгъ.

немъ и обширномъ городѣ Вавилонѣ, славномъ своими учрежденїями и ревностїю къ онымъ мужей, простыя жены и принцессы подъ смотрѣнїемъ скопцовъ содержавшїяся, отъ набожности ходили въ храмъ одѣлять благосклонностїю своею иностранцовъ? Нѣтъ, мы лучше сошлемъ его въ такїя мѣста, гдѣ бы ему таковая нелѣпость дорого стоила. Станемъ наблюдать во всемъ умѣренность и уравнивать наказанїе съ преступленїемъ.

Извинимъ бѣднаго *Жанъ - Жака Руссо* въ томъ, что онъ всегда самъ себѣ противурѣчитъ, что написавъ комедїю, осмѣянную въ Парижскомъ театрѣ, проклинаетъ тѣхъ, кои играютъ оную во стѣ миляхъ отъ Парижа, что ищетъ покровителей и ими ругается, что дѣлаетъ возраженїе противъ романовъ, а самъ оныя сочиняетъ, въ коихъ главной витязь есть глупой учитель, которой живетъ милостынею швейцарки, съ коею прижилъ онъ дѣтей, и промо-

шалъ всѣ ея деньги въ Парижской бордели; дозволимъ ему думать о себѣ, что онъ превзошелъ *Фенелона и Ксенофонта*, воспитывая благороднаго юношу въ столярномъ ремеслѣ; такїя пустоши нестоятъ и того, чтобы написать опредѣленїе о взятїи его подъ стражу; довольно съ него будетъ, ежели посадятъ его въ такой домъ, гдѣ кормятъ тонкою похлебкою, пускаютъ часто кровь и велятъ наблюдать умѣренность въ пищѣ.

Законовъ Дракона я нелюблю по тому, что они равно наказываютъ погрѣшности и порокъ, злость и безумїе. Нестанемъ поступать такъ съ Езуитомъ Нонотомъ, который въ томъ только виноватъ, что писалъ глупо и съ обидою другаго, какъ поступали съ Езуитами Маллагридомъ, Олдекорномъ, Гарнетомъ, Гинардомъ и Геретомъ, и какъ поступать должно съ Езуитомъ Теллїеромъ, который обманулъ своего Государя и возмутилъ Францїю; но осо-

бливо отличать будемъ во всѣхъ тяжбахъ, пренїяхъ и спорахъ обижающаго отъ обиженнаго и угнѣтающаго отъ угнѣтеннаго; ибо наступательная война показываетъ варварство, а защищенїе самого себя справедливость.

Въ то самое время, когда я былъ погруженъ въ сихъ размышленїяхъ, пришелъ ко мнѣ человѣкъ въ 40 талеровъ обливаясь слезами. Я его съ трепетнымъ духомъ вопрошалъ, не умеръ ли его сынъ, которому 23 года жить надлежало. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, сынъ мой слава Богу здоровъ также и жена, но я позванъ былъ во свидѣтельство противу мельника, который по выдержанїи всѣхъ пытокъ явился ни въ чемъ невиновнымъ; я видѣлъ, какъ онъ былъ въ безпамятствѣ отъ жестокихъ мученїй; слышалъ какъ его кости трещали, да и теперь еще кажется мнѣ, что тоже слышу; стенанїя и вопль его слѣдуютъ за мною, я плачу отъ сожалѣнїя, трепещу отъ ужаса и цепенѣю.

Тогда мнѣ жалко стало и я дрожать и плакать началъ, будучи рожденъ крайне чувствительнымъ.

Воспоминовенïе о прошедшемъ привело мнѣ на память страшное приключенïе фамилïи Каласовъ; добродѣтельную мать заключенную въ оковы, дѣтей ея съ воплемъ убѣгающихъ мучительскихъ рукъ, домъ въ разграбленïи, почтеннаго отца истерзаннаго, страждущаго на колесѣ и въ пламени погибающаго, сына обремененнаго желѣзами и влекома предъ судей, изъ коихъ одинъ грозно ему говоритъ: *уже отца твоего колесовали, а теперь тебя колесовать слѣдуетъ.*

Я вспомнилъ также и о семьѣ Сирвеновъ, которую одинъ изъ моихъ друзей видѣлъ на горахъ, льдомъ покрытыхъ, когда она отъ гоненïя сколь глупаго, толь и неправеднаго суда избѣгала. Судъ, говорилъ онъ мнѣ, осудилъ непорочную семью на казнь, полагая безъ малѣйшаго виду доказательства,

будто бы отецъ и мать, помощїю двухъ своихъ дочерей умертвили третїю, и тѣло бросили въ воду, опасаясь чтобъ она неприобщилась паки къ католической церкви. Въ такомъ родѣ суда вдругъ вижу я чрезмѣрную глупость, коварство, неправосудїе и жестокость.

Я и человѣкъ въ 40 талеровъ оплакивали человѣческое состоянїе. Въ то время была у меня рѣчь главнаго Дофинскаго стряпчаго, который отчасти упоминаетъ и о семъ важномъ дѣлѣ. Изъ ней читалъ я ему слѣдующїя мѣста.

„Сирты по справедливости были „великїе люди! они первые дерзнули „править себѣ подобными, и возложить на себя иго всеобщаго блага. „Они желая исторгнуть человѣчество „отъ погибели, подвергнули себя его „неблагодарности, и для общенароднаго „покоя отреклись отъ собственнаго, „занявъ мѣсто, такъ сказать, между „провидѣнїемъ и человѣкомъ, дабы

,,устроить его благополучїе иску-
,,ствомъ, котораго оно по видимому его
,,лишило.

. . . .

,,Какой бы судья уважающїй сколько ,,нибудь свою должность и человѣче-,,ство возмогъ утверждать сїи мысли? ,,Можетъ ли онъ во уединенїи и въ сво-,,ей комнатѣ, безъ содроганїя отъ ужаса ,,и безъ жалости обратить взоръ свой ,,на сїю бумагу, какъ на злощастной ,,знакъ беззаконїя или непорочности? ,,Не мнится ли ему слышать исходя-,,щїй оттуда страшный стонъ по-,,нуждающїй его вершить судьбину ,,гражданина, жены, отца и цѣлой се-,,мьи? . . . . Возможно ли, что бы онъ ,,имѣлъ толь окаменѣлое сердце, что ,,проходя мимо темницы, и будучи за-,,нятъ однимъ токмо уголовнымъ дѣ-,,ломъ, чувствовалъ въ себѣ холодность? ,,Нѣтъ, онъ содрогнувшись скажетъ: ,,Ахъ! это я содержу въ семъ пагубномъ ,,мѣстѣ мнѣ подобнаго, можетъ быть

„мнѣ равнаго гражданина и человѣка. „Это я истязываю его всякой день, и „запираю въ семъ страшномъ мѣстѣ. „Сердце его можетъ быть отчаянїемъ „исполненное вопїетъ съ хулою къ небу „о моемъ имени и безъ сомнѣнїя во сви- „дѣтельство призываетъ великаго онаго „Судїю, который насъ судить будетъ „обоихъ. . . . . . .

„Здѣсь незапно ужасное очамъ мо- „имъ представляется зрѣлище: судїя „скучая вопросами готовится изслѣдо- „вать дѣло мученїемъ, и неполагаясь „довольно на совѣстной судъ, повелѣ- „ваетъ принести свѣточи, рычаги, „оковы и всѣ мучительныя орудїя. „Приходитъ палачь, вмѣшивается въ „должность судїи и оканчиваетъ наси- „лїемъ допросъ, ласкою начатой. . . .

„О дражайшая философїя! которая „изслѣдуешъ истинну вниманїемъ и тер- „пѣливостїю, ожидала ли ты когда ни- „будь въ твоемъ вѣкѣ, чтобы къ от-

,,крытїю оныя употреблялись такїя ,,орудїя? . . . . . .

,,Возможно ли, чтобы законы наши ,,непротивоборствовали толь коварному средству, и что бы обычай оное ,,учинилъ священнымъ?

. . . ,,Законы уступая предразсужденї-,,ямъ, содѣлываютъ народныя наказанїя ,,столь же свирѣпыми, какъ и частныя ,,мщенїя, и тутъ дѣйствїе разума упо-,,добляется по жестокости своей дѣй-,,ствїю страстей. Какая же причина ,,сей толь странной противуположно-,,сти? Та, что предразсужденїе наше ,,уже закоснѣло, а нравоученїе принято ,,недавно, что мы неболѣе слушаемся ,,нашихъ чувствъ, какъ и внимаемъ на-,,шимъ воображенїямъ, что жадность ,,къ забавамъ препятствуетъ намъ раз-,,суждать о нашихъ нуждахъ, и что мы ,,паче стараемся жить, нежели собою ,,править. Словомъ: причина тому та, ,,что мы теперь гибки, а не доб-,,ры, и вѣжливы, а нечеловѣколюбивы.

Сїи слова изреченныя устами человѣчества исполнили сердце моего друга прїятнымъ утѣшенїемъ. Онъ удивляясь имъ нѣжно, спросилъ меня съ восторгомъ: не ужели толь хорошо мыслятъ въ провинцїяхъ. Мнѣ сказывали, будто бы въ свѣтѣ токмо и умныхъ людей что въ Парижѣ.

Правда, говорилъ я ему, въ свѣтѣ одинъ только Парижъ, въ которомъ сочиняютъ комическїя оперы; но нынѣ довольно есть судей и въ провинцїяхъ, которые здраво разсуждаютъ и хорошо изъясняются. Прежде сего извѣщатели правосудїя и нравоученїй были токмо посмѣянїемъ; но съ того времени, какъ докторъ Балуардъ предъ судомъ, а Арликинъ на катедрѣ говорить объ нихъ начали, то прибыла наконецъ и сама философїя, и повелѣла провозглашать въ народѣ новую и полезную истинну съ велерѣчїемъ разума и чувствъ.

Но если у насъ ничего неостанется новаго говорить, возопили пустомели?

Такъ молчите тогда, отвѣчала философія: всѣ ваши вздорные о нарядахъ разговоры, содержащіе въ себѣ токмо однѣ мѣлочи, подобны огню святаго Іоанна, подженному въ такое время, когда никто грѣться нужды неимѣетъ, и когда оной неслужитъ нимало къ удовольствію и послѣ него неостается даже и пеплу.

Пусть бы вся Франція читала хорошія книги; но у насъ несмотря на слабость человѣческаго ума читаютъ ихъ весьма мало и при томъ большая часть изъ тѣхъ, кои чему нибудь хотятъ научиться, читаютъ весьма худо. Сосѣды мои и сосѣдки послѣ обѣда забавляются Аглинскою игрою, которую я едва выговорить могу, ибо она называется *Ввискъ*. Многіе шалуны почитая себя остроумными, говорятъ тебѣ важнымъ видомъ, что книги ни къ чему доброму неслужатъ. Однако знаютъ ли они, что книги ими управляютъ? и что уложеніе, военный уставъ и Евангеліе суть такія книги, коимъ они вѣчно

подвластны? Читайте и просвѣщайтесь; сердце наше отъ одного токмо чтенія крѣпится, обращеніе же оное сокрушаетъ, а игры стѣсняютъ.

У меня весьма мало денегъ, отвѣчалъ мнѣ человѣкъ въ сорокъ талеровъ; но какъ скоро я хотя мало исправлю свое состояніе, то накуплю себѣ книгъ у Маркъ-Мишеля Рея.

О НЕДУГѢ ЛЮБОСТРАСТІЯ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ жилъ въ небольшомъ уѣздѣ, гдѣ за 150 лѣтъ никакого неставили гарнизону. Нравы тутъ были столь чисты, какъ и воздухъ. Тутъ никогда незнали, что индѣ любовь заражается пагубнымъ ядомъ водворяющимся въ самыя сѣмена, что раждающіеся люди заражены бываютъ еще въ самомъ ихъ зачатіи и что естество противоборствуя самому себѣ, нѣжность свирѣпою а забавы страшными учинило; но всякъ будучи непороченъ, вручалъ себя любви безъ малѣй-

шаго опасенія. По прибытіи же войска все перемѣнилось.

Къ зараженію двадцати деревень въ три мѣсяца довольно было двухъ порутчиковъ, полковаго попа, одного капрала и вышедшаго изъ семинаріи писаря. Двѣ двоюродныя сестры человѣка въ сорокъ талеровъ вдругъ увидѣли себя покрытыми мозолеватыми прыщами; нѣжныя ихъ волосы вылѣзать начали; голосъ ихъ сдѣлался сиповатымъ; прекрасныя и черныя глаза облеклися въ синеватой цвѣтъ и никогда несмыкались для покоя поврежденныхъ членовъ, которые сокрытая гниль поѣдала, равно какъ члены Аравитянина Іова, хотя онъ никогда неимѣлъ Венерической болѣзни.

Полковой Штабъ-лѣкарь, человѣкъ весьма искусный, не въ силахъ будучи самъ лѣчить всѣхъ тамошнихъ дѣвицъ, просилъ отъ двора помощниковъ.

Военной Министръ всегда готовъ по склонности своей вспомоществовать

прекрасному полу, прислалъ къ нему цѣлое рекрутство его братьи, которое одною рукою оскверняло то, что исправляло другою.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ читалъ тогда философскую книгу Кандида, переведенную съ Нѣмецкаго языка докторомъ Ралфомъ, которая точно доказываетъ, что въ свѣтѣ все хорошо и что дѣло было совсѣмъ невозможное, чтобы въ найлучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, вышеупомянутой недугъ, язва, каменная болѣзнь, зобъ, Валенская палата и Инквизиціонной судъ незанимали мѣста въ составленіи Вселенной, единственно устроенной для человѣка, Царя всѣхъ животныхъ и образа и подобія Божія, коему онъ, какъ всякъ легко видѣть можетъ, такъ близко подходитъ, какъ двѣ капли воды одна къ другой.

Онъ читалъ также въ истинной исторіи Кандида, что славной докторъ Панглосъ, пользуясь отъ неаполитан-

скаго недуга потерялъ глаза и уши. Увы! говорилъ онъ, такъ и бѣдныя сестры мои будутъ обкарнаны и кривы? Никакъ, отвѣчалъ ему во утѣшенiе Штабъ лѣкарь, у Нѣмцовъ руки непроворны; а что касается до насъ, то мы лѣчимъ дѣвицъ свойственнымъ, надежнымъ и прiятнымъ для нихъ лѣкарствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ обѣ прекрасныя его сестры отъ сего избавились, но раздутыя головы ихъ какъ мячь потеряли чрезъ шесть недѣль половину своихъ зубовъ; онѣ же вываливая языкъ на полфута скончались по прошествiи шести мѣсяцовъ отъ чахотки.

Во время операцiи братъ ихъ и Штабъ-лѣкарь разсуждали слѣдующимъ образомъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Возможно ли, государь мой, чтобы естество вмѣстило толь ужасныя мученiя въ толь нужныхъ забавахъ? и къ толикой славѣ присоединило толь вели-

кой зазоръ, что неменѣе опасности сдѣлать младенца, какъ и убить человѣка? Или правда ли по крайней мѣрѣ, что язва сїя мало по малу уменьшается, и къ удовольствїю нашему день отъ дня становится менѣе опасна?

Штабъ-лѣкарь.

Совсѣмъ тому противное, оная часъ отъ часу болѣе разпространяется по всѣмъ Христїянскимъ въ Европѣ державамъ, и коснулась уже самой Сибири. Въ бытность мою тамъ видѣлъ я болѣе пятидесяти человѣкъ отъ нее умершихъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ и изъ знатныхъ особъ. Люди слабаго сложенїя рѣдко устоять могутъ отъ сея болѣзни и употребляемыхъ при томъ средствъ. По сему двѣ сестры, т. е. оспа и помянутая болѣзнь гораздо болѣе истребляютъ рода человѣческаго, нежели Монахи.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Вотъ еще новая причина, для которой Монаховъ уничтожить должно, дабы они причтены будучи въ число гражданъ, нѣсколько исправили наносимое бѣдствїе сими двумя сестрами. Но скажите пожалуйте, подвержены ли и скоты таковой язвѣ?

Штабъ-лѣкарь.

Нѣтъ, они незнаютъ ни оспы, ниже монаховъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Такъ надобно признаться, что они счастливѣе и разумнѣе насъ въ семъ наилучшемъ свѣтѣ.

Штабъ-лѣкарь.

Объ етомъ я никогда несомнѣвался; они менѣе насъ подвержены болѣзнямъ и врожденная ихъ склонность гораздо надежнѣе нежели нашъ разумъ; сверьхъ того ни прошедшее, ни будущее ихъ немучитъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Вы были лѣкаремъ при Французскомъ Послѣ въ Турцїи, скажитежъ, много ли въ Константинополѣ сею болѣзнїю зараженныхъ?

Штабъ лѣкарь.

Французы принесли ее съ собою въ предмѣстїе Перы, гдѣ они живутъ, и я знавалъ тамъ Капуцина, который оною также былъ изувѣченъ какъ Панглосъ; однако въ самомъ Константинополѣ ее неводится, по тому что Французы въ немъ никогда неночуютъ. При томъ въ семъ обширномъ городѣ нѣтъ почти никакихъ распутныхъ женщинъ. Всякой обыватель зажиточный, имѣетъ женъ или черкаскихъ невольницъ, коихъ онъ всегда хранитъ и оберегаетъ и коихъ красота опасною ему быть неможетъ. Турки называютъ сїю болѣзнь христїянскимъ ядомъ, и сїе усугубляетъ чрезмѣрное ихъ къ закону нашему презрѣнїе; но за то сами они имѣютъ

язву, Египетскую болѣзнь, которую почитая маловажною, предупредить никогда нестараются.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Въ которое время думаете вы бичь сей въ Европѣ появился?

Штабъ лѣкарь.

По возвращенїи изъ перваго путешествїя Христофора Колумба къ непорочнымъ Американскимъ жителямъ, незнавшимъ ни корыстолюбїя ни брани, что было въ 1494 году. Сїи чистосердечные и правосудные народы подвержены были оной жестокой болѣзни въ самыя древнїя и неизвѣстныя времена, когда проказа у Мавровъ и Жидовъ, а чума у Египтянъ водворились. * Первый плодъ, собранный Испанцами съ

* Сїя болѣзнь именуемая у Французовъ Неаполитанскою, у насъ Французскою а у Камчадаловъ Рускою воспрїяла по свидѣтельству самыхъ достовѣрныхъ Писателей свое начало въ Америкѣ не въ самыя древнїя времена и не отъ климата, но отъ заключенныхъ жестокими Испанцами бѣдныхъ тамош-

завоеванїй новаго свѣта, была сїя заразительная и пагубная болѣзнь, которая несравненно скорѣе распространилась, нежели Мексиканскїя деньги, гораздо позже ходившїе въ Европѣ. Причина тому та, что тогда во всѣхъ городахъ великолѣпныя были зданїя, называемыя борделями и выстроенныя по повелѣнїю Правителей для соблюденїя чести госпожъ. Въ сїи то чертоги принесли съ собою Испанцы гостинецъ, откуда Епископы и Принцы для своей надобности брали дѣвушекъ. Констансъ объявляетъ, что сихъ жрицъ было около 718 для службы Собора, которой толь свято присудилъ сжечь Іоанна Гуса и Іеронима Прагскаго.

Изъ сего легко разсудить можно, съ какимъ стремленїемъ зараза сїя по

нихъ жителей на весьма долгое время въ глубокїя и ядовитыми минеральными парами исполненныя рудокопныя ямы, о чемъ можно подробное найти извѣстїе въ Іюлѣ 1780 года ежемѣсячнаго сочиненїя подъ названїемъ *Академическїя извѣстїя* въ перечнѣ моемъ о Американскихъ селенїяхъ.

всѣмъ странамъ промчалась. Первой изъ знатныхъ умеръ отъ нее преосвященнѣйшій Епископъ и Намѣстникъ Венгерской въ 1499 году, котораго Варѳоломей Монтанагъ, славный Падуазскій медикъ, вылѣчить былъ не въ состояніи. Гвалтіеръ увѣряетъ, что Архіепископъ Майнскій *Бертолдъ Геннебергъ* умеръ отъ сея болѣзни въ 1504 году. Извѣстно также, что и нашъ Король Францискъ I. пресѣкъ нить дней своихъ оною же болѣзнію, и что Генрихъ III. получилъ ее въ Венеціи, однако Іаковъ Климентъ предупредилъ жестокія ея дѣйствія.

Парижскій парламентъ всегда ревностный къ народному благосостоянію, первой издалъ указъ въ 1497 году противъ сего зла, и запретилъ всѣмъ одержаннымъ таковою болѣзнію быть въ Парижѣ подъ смертнымъ наказаніемъ. Но какъ обличить законно гражданъ и гражданокъ было весьма трудно, то приговоръ сей неболѣе дѣйствовалъ, какъ

и изданные по томъ указы противъ ръотныхъ, и несмотря на строгость Парламента число виновниковъ всегда умножалось. Однако ежели бы ихъ вмѣсто того, что бы вѣшать, вылѣчивали, то думать надобно, что бы заразы сей болѣе небыло на свѣтѣ, но къ нещастію нашему объ етомъ никогда непомышляли.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Справедливо ли, что я въ Кандидѣ начиталъ, что когда двѣ арміи Христолюбиваго воинства, каждая изъ тридцати тысячь, одна противъ другой сражаются, то навѣрно положить можно, что съ обѣихъ сторонъ есть по двадцати тысячь зараженныхъ?

Штабъ лѣкарь.

Весьма справедливо, и то же самое бываетъ съ Сорбонскими Лиценціатами. Да что же и дѣлать прикажешъ симъ молодымъ бакалаврамъ, когда въ нихъ натура сильнѣе дѣйствуетъ, нежели

богословія? Я тебѣ кленусь, что съ товарищами своими болѣе лѣчилъ молодыхъ Іересвъ, нежели молодыхъ Офицеровъ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.

Неможно ли сію заразу, опустошающую Европу, какъ нибудь истребить? Надъ оспою дѣлали уже опытъ для приведенія оной въ слабость, такъ нельзя ли и съ сею болѣзнію того же сдѣлать?

Штабъ лѣкарь.

У насъ есть одинъ токмо способъ, то есть, что бы всѣ Государи совокупными ополчились силами, какъ во времена Годфреда и Булльона. Таковой крестной походъ безъ сомнѣнія былъ бы правосуднѣе противу пагубнаго онаго зла столь много народа пожирающаго, нежели какъ несчастливо нѣкогда предпріятый противъ Салладина, Мелексала и Албанцовъ; ибо лучше согласиться на пораженіе всеобщаго человѣческому

роду врага, нежели непрестанно безпокоиться о улученїи времени на опустошенїе земель, и уславъ поля тѣлами, похищать у ближняго своего два или три города и нѣсколько деревень, Я говорю противъ собственной своей пользы, по тому что въ войнѣ и въ сей болѣзни все мое щастїе состоитъ, однако надобно быть прежде человѣкомъ, а по томъ Штаб-лѣкаремъ.

Симъ то обхожденїемъ человѣкъ въ сорокъ талеровъ, какъ говорятъ, просвѣтилъ свой разумъ и образовалъ свое сердце. Онъ получилъ наслѣдство нетокмо отъ двухъ своихъ сестеръ черезъ шесть мѣсяцовъ умершихъ, но также и отъ весьма дальнаго родственника, подрядчика армейскихъ гошпиталей, который отъ раненыхъ солдатъ понакопилъ немало денегъ. Сей человѣкъ никогда нехотѣлъ жениться; онъ имѣлъ у себя изрядную сераль, непризнавалъ никого за своего родственника, жилъ въ пьянствѣ и умеръ въ Парижѣ

отъ неваренія желудка. Такова особа; какъ всякъ легко видѣть можетъ, была найполезнѣйшая государству.

Новой нашъ философъ принужденъ былъ отправиться въ Парижъ, для полученія наслѣдства послѣ своего родственника, гдѣ дворцовой откупщикъ хотѣлъ было у него оное оттягать, однако щастіе въ тяжбѣ пало на его сторону. Онъ удѣлилъ нѣсколько отъ богатаго своего наслѣдства бѣднякамъ своего округа, у коихъ небыло и такихъ принадлежностей, что бы доставать по сороку талеровъ доходу. Послѣ сего началъ онъ заводить у себя библїотеку для удовлетворенія своея страсти.

Онъ читалъ всякое утро книги, дѣлалъ изъ нихъ выписки, а въ вечеру совѣтовался съ учеными людьми, на какомъ языкѣ говорилъ змѣй нашей праматери, въ какомъ тѣлѣ заключается наша душа, въ ноздреватомъ ли или на еловую шишку похожемъ, двадцать ли

пять лѣтъ св. Петръ жилъ въ Римѣ, какое есть различіе между Государемъ и Правителемъ, и для чего Арапы имѣютъ плоскій носъ. Въ прочемъ положилъ онъ обѣщаніе никогда неправить государствомъ и никакихъ несочинять книгъ противъ новыхъ узаконеній. Его называли господиномъ Андре, которое имя дано ему при крещеніи. Всѣ тѣ, кои его знаютъ, воздаютъ справедливость его разуму, и сколь пріобрѣтеннымъ, толь и природнымъ его качествамъ. Онъ выстроилъ себѣ изрядной домикъ въ старомъ своемъ помѣстьѣ четырехъ десятинъ. Сынъ его скоро уже достигнетъ такого возраста, что можетъ обучаться, однако онъ хочетъ отдать его во училище Баркуртово, а не Мазариново, по причинѣ той, что тутъ Профессоръ Коже сочиняетъ зазорныя книги, а школьному Профессору дѣлать сіе совсѣмъ непристойно.

Супруга его родила ему прекрасную дочь, которую онъ надѣется выдать

за совѣтника, только бы онъ не былъ зараженъ тою болѣзнїю, которую Штабъ лѣкарь во всей Христїянской Европѣ истребить намѣренъ.

Великое прѣнїе.

Во время пребыванїя господина Андре въ Парижѣ былъ тутъ превеликїй споръ, состоящїй въ томъ: должно ли почитать Марка Антонина честнымъ человѣкомъ и гдѣ онъ до воскресенїя пребываетъ, во адѣ ли, въ чистилищѣ ли или въ предверїи онаго. Всѣ честные люди держали сторону Марка Антонина, представляя, что онъ былъ Государь всегда правосудный, трезвый, милостивый и воздержный. Правда, онъ не столь хорошїя въ раю занимаетъ мѣста, какъ святый Антонїй, ибо надобно наблюдать пропорцїю, какъ мы видѣли прежде, однако безъ сомнѣнїя душа Императора Антонина находится не во адѣ. Ежели же она въ чистилищѣ, то надобно ее оттуда избавить и ос-

тается только отпѣть нѣсколько панафидъ, что Езуиты въ праздности живущїе учинить могутъ; и такъ пускай они отпоютъ оныхъ три тысячи за упокой души сего Государя, за каждую получая обыкновенно по 15 копѣекъ, что составитъ двѣ тысячи двѣсти пятьдесятъ ливеровъ. Въ протчемъ къ помазаннику должно имѣть почтенїе и не такъ судить о немъ легкомысленно.

Но противники сихъ честныхъ людей утверждали совсѣмъ иное, говоря, что надъ нимъ никакого сожалѣнїя имѣть недолжно, что онъ былъ еретикъ гораздо беззаконнѣе нежели послѣдователи Карпократа и Алога, что умеръ безъ исповѣди, и что для того служитъ найлучшимъ примѣромъ быть осужденнымъ, дабы Императоры Китайскїе, Японскїе, Персидскїе, Турецкїе и Марокскїе, также и Короли Агглинскїе, Шведскїе, Дацкїе и Прусскїе, Штатгалтеры Голландскїе и Авоеры Бернскїе, которые всѣ нечаще на испо-

вѣдь ходятъ какъ и Императоръ Маркъ Антонинъ, изъ того жить научился; и наконецъ для того, что судить мертвыхъ Государей есть несказанное для нихъ удовольствїе, по тому что при жизни ихъ никто на сїе отважиться неможетъ, опасаясь что бы непотерять своихъ ушей.

Пренїе ихъ было столь жестоко, каково между Урсулинами и Аннонцїатами происходило, когда они спорили, кто изъ нихъ долѣе проноситъ яица съ смятку между ягодицами, такъ что бы ихъ непобить. Столь великой споръ угрожалъ расколомъ, какъ то было во времена *ста и одной сказки* матери моей *гусынн* и нѣкоторыхъ билетовъ выплачиваемыхъ объявителю оныхъ на томъ свѣтѣ. Расколъ есть дѣло весьма опасное, ибо оной значитъ несогласїе во мнѣнїяхъ, а до сего пагубнаго времени всѣ люди были одинакого мнѣнїя.

Господинъ Андре будучи гражданинъ честный, просилъ заводчиковъ спора

съ обѣихъ сторонъ къ себѣ на ужинъ. Онъ у насъ изъ найлучшихъ гостепрїимцовъ, нраву кроткаго и веселаго, забавенъ безъ шуму, обходителенъ и чистосердеченъ, въ бесѣдѣ воздерженъ, почтенїежъ къ себѣ снискивалъ онъ благопрїятствомъ, умѣренностїю, откровеннымъ и важнымъ видомъ. У него весело разговаривалъ Корсиканецъ вмѣстѣ съ Генуезцомъ, повѣренной со своимъ противникомъ и Муфтїй съ Епископомъ. Тутъ онъ заведши постороннюю рѣчь и разсказывая какъ проклинающимъ, такъ и проклятымъ прїятную повѣсть, отвращалъ весьма искусно побужденїя къ спорамъ. По томъ, когда они уже нѣсколько подгуляли, принуждалъ ихъ подписаться, что душа Марка Антонина остается неизвѣстно гдѣ, ожидая опредѣленнаго суда.

Души сихъ поучителей возвращались со смиренїемъ въ свои лимбы послѣ ужины, и все было спокойно. Сїе примиренїе сдѣлало немало чести человѣку

въ сорокъ талеровъ; ибо послѣ того, гдѣ токмо сильныя пренія между учеными или неучеными людьми ни происходили, то всегда говорили вмѣсто пословицы: *Господа! подите поужинать къ господину Андре.*

Я знавалъ нѣкоторыя общества, бывшія между собою въ великомъ несогласіи, которыя подвергнули себя великимъ нещастіямъ за тѣмъ только, что у господина Андре непировали.

ИЗГНАННЫЙ ЗЛОДѢЙ.

Снисканная господиномъ Андре слава, чрезъ примиреніе споровъ великолѣпнымъ угощеніемъ, привела къ нему на прошлой недѣлѣ весьма чуднаго гостя. Человѣкъ, у коего черное лице и тѣлосложеніе весьма дурное, спина сводомъ, голова на сторону, но глаза довольно быстрые, пришелъ его просить о пирѣ для него самого и всѣхъ его непріятелей.

Какїе у васъ непрїятели? спросилъ его господинъ Андре и кто вы? Ахъ! отвѣчалъ онъ, я вамъ скажу сущую правду. Меня почитаютъ изъ числа глупцовъ, которые сочиняютъ нелѣпыя книги для куска хлѣба и покрикиваютъ вездѣ Богъ, Богъ, Богъ, вѣра, вѣра, дабы выманить какое нибудь подаянїе. Уличаютъ также меня, будто бы я обнесъ истинно набожныхъ гражданъ, искреннихъ богопочитателей и самыхъ честныхъ людей государства. Правда, государь мой, въ самомъ жару сочиненїя часто люди моего промысла дѣлаютъ небольшїя погрѣшности, которыя другїе принимаютъ за грубые пороки и заблужденїя называемыя у нихъ безстыдною ложью. Ревность нашу почитаютъ они за гнусную смѣсь плутовства и сумазбродства, и при томъ увѣряютъ, что когда мы пользуемся легковѣрностїю слабыхъ старушекъ, то всякъ честный человѣкъ, кто токмо читать умѣетъ, гнушается нами и насъ презираетъ.

Непрїятели же мои суть первые члены знатнѣйшихъ въ Европѣ Академїй, также почтенные Писатели и добродѣтельные граждане. Недавно издалъ я книгу, подъ заглавїемъ Антифилософическая, при чемъ хотя намѣренїе мое было и искренно, однако покупать ее никто нехотѣлъ, да и тѣ, коимъ я оную подносилъ, метали ее въ огонь, сказывая мнѣ, что она нетокмо противна разуму, но также противна и Христїянскому закону и самой честности.

Изрядно, говорилъ ему господинъ Андре, такъ и вы послѣдуйте тѣмъ, коимъ поносили вашу книгу, бросьте ее въ огонь и неговорите объ ней болѣе ни слова. Я чрезмѣрно похваляю ваше раскаянїе; что же касается до пира, то я немогу пригласить васъ съ учеными людьми, по тому что они узнавъ, что вашего сочиненїя болѣе читать небудутъ, престанутъ быть вашими непрїятелями и безъ моего посредства.

Но неможете ли вы по крайней мѣрѣ, говорилъ ему Каффардъ, примирить меня съ родственниками покойнаго господина Монтескю, котораго я помрачилъ память похваляя почтеннаго отца Роша недавно скончавшагося и изгнаннаго изъ его дому?

Какъ! говорилъ ему господинъ Андре, почтенный отецъ Рошъ давно уже умеръ, такъ подите вы къ нему и ужинать.

Господинъ Андре былъ человѣкъ вспыльчивой, особливо когда имѣлъ какое нибудь дѣло съ негодными и глупыми людьми. Онъ легко понялъ, что Каффардъ для того только хотѣлъ у него гостить съ учеными людьми, что бы завести споръ, а по томъ обругавъ ихъ, напечатать на нихъ новую ложь. По сей причинѣ выгналъ его изъ своего дому, такъ какъ прогнали Роша изъ дому Президента Монтескю.

Господина Андре обмануть весьма трудно; ибо чѣмъ болѣе былъ онъ

простъ и чистосердеченъ, когда былъ человѣкомъ въ 40 талеровъ, тѣмъ болѣе сдѣлался остроуменъ, когда пообтерся около людей.

ЗДРАВОЙ РАЗСУДОКЪ

Господина Андре.

Колико здравой разсудокъ господина Андре получилъ приращенія съ того времени, какъ онъ завелъ библіотеку! Онъ жилъ съ книгами какъ съ людьми, выбиралъ изъ нихъ самыя лучшія и никогда въ обманъ имени недавался. Какое удовольствіе научаться и усугублять крѣпость духа за одинъ талеръ, невыходя изъ дому!

Онъ самъ себя поздравлялъ, что родился въ такое время, когда умы человѣческіе въ совершенство приходить начинаютъ. Что бы я дѣлалъ бѣдной, говорилъ онъ, если бы рожденъ былъ при Езуитахъ Карассѣ и Пинардѣ, или при учителяхъ Бушерѣ, Обри и Гвин-

честрѣ, или въ тѣ времена, когда Писателей противу Аристотелевыхъ заблужденій осуждали на каторгу.

Бѣдность истощила душевныя силы господина Андре, но благосостояніе возстановило оныя. Подобныхъ ему много есть на свѣтѣ, коимъ одного токмо поворота щастія недостаетъ, чтобы сдѣлаться людьми достойными отъ всѣхъ истиннаго почтенія.

Онъ теперь свѣдомъ обо всѣхъ Европейскихъ дѣлахъ, а особливо о приращеніи человѣческаго разума.

Мнѣ кажется, говорилъ онъ въ прошлой вторникъ, что разумъ странствуетъ тихими стопами отъ Сѣвера къ Полудню съ двумя своими искренними друзьями опытомъ и терпѣніемъ; земледѣліе же и торговля слѣдуютъ за нимъ. Оной было появился въ Италіи, но духовное правленіе оттуда его изгнало, и онъ ничего болѣе сдѣлать немогъ, какъ токмо то, что послалъ своихъ повѣренныхъ, которые тайно тамъ

добродѣтельствуютъ. По чему уповательно, что въ скоромъ времени государство Сципіоновъ небудетъ болѣе государствомъ Арлекиновъ въ скимнахъ.

Во Франціи же оной часъ отъ часу болѣе наживаетъ себѣ непріятелей, однако имѣетъ еще столько друзей, что наконецъ по необходимости сдѣлается первымъ Министромъ.

По прибытіи его въ Баварію и Австрію попались ему двое или трое знатныхъ глупцовъ, которые посмотрѣвъ на него съ изумленіемъ и съ ужасомъ говорили, государь мой, мы объ васъ никогда ничего неслыхали и по тому васъ незнаемъ. Такъ вы меня государи мои, отвѣчалъ онъ имъ, со временемъ узнаете и будете любить.* Меня весьма хорошо приняли въ Берлинѣ, Россіи, Копенгагенѣ и Стокгольмѣ и

* Нынѣ дѣйствительно начали уже оной тутъ узнавать и любить посредствомъ мудрыхъ учрежденій *Императора Іосифа II.*

стараніемъ Локка, Гордона, Траншарда, Милорда Шевтесбури и многихъ другихъ давно уже причли меня въ Англіи къ числу тамошнихъ сограждан, что и вы когда нибудь со мною сдѣлаете, по тому что я сынъ времени и всего ожидаю отъ моей матери.

Прошедъ предѣлы Испаніи и Португаліи возносилъ онъ благодареніе Богу, видя что Инквизиціонные костры не такъ уже часто возгорались, и узнавъ, что Езуитовъ оттуда изгоняютъ, много надѣялся пользы, однако опасался еще того, чтобы очищая государство отъ лисицъ, непредали оное хищнымъ волкамъ.

Если онъ еще покушаться станетъ войти въ Италію, то думать надобно, что вступитъ съ начала въ Венецію и водворится въ Неаполѣ, несмотря на происходящій тамъ отъ сырости дурной запахъ. Иные утверждаютъ, что онъ имѣетъ таинственное средство къ распутыванію свурковъ короны,

которые не знаю, какимъ то образомъ сплетены со снурками Патріаршей шапки, также и къ воспрещенію бѣлымъ лошакамъ отдавать честь туфлямъ.

Разговоръ господина Андре веселитъ меня немало, и я чѣмъ чаще его вижу, тѣмъ болѣе его любить начинаю.

О ХОРОШЕЙ УЖИНѢ

у Господина Андре.

Вчерашній день ужинали мы вмѣстѣ съ Сорбонскимъ учителемъ, господиномъ Пинтомъ, славнымъ Жидомъ, Реформатскимъ священникомъ Посланника Голландскаго, съ г. Секретаремъ Князя Голицына, греческаго исповѣданія, Швейцарскимъ Капитаномъ Кальвинскаго закона, двумя философами и тремя разумными госпожами.

Столъ продолжался весьма долго, однако между тѣмъ небыло никакихъ споровъ о законѣ, какъ будто бы никто изъ гостей не имѣлъ никакого. Дол-

жно признаться, что мы сдѣлались нынѣ нарочито вѣжливыми, поелику опасаемся за столомъ оскорблять ближняго. Регентъ же Коже, бывшіе Езуиты Нонотъ, Патуиллетъ, Роталіеръ и другіе сего рода твари поступаютъ совсѣмъ инако и неслѣдуютъ ни мало благопристойности; ибо они напутываютъ болѣе дурачества въ двустраничной книжкѣ, нежели сколько наилучшая въ Парижѣ бесѣда продолжающаяся четыре часа можетъ въ себѣ заключать пріятныхъ и нравоучительныхъ рѣчей. И всего чуднѣе то, что они несмѣютъ говорить человѣку въ лице того, что безстыдно врали на письмѣ.

Съ начала былъ разговоръ о забавныхъ Персидскихъ письмахъ, въ коихъ находятся весьма частыя ссылки на многихъ важныхъ особъ, что свѣтъ нетокмо день отъ дня къ худшему, но также и къ своему опустошенію стремится, такъ, что ежели пословица: *чѣмъ болѣе дураковъ, тѣмъ болѣе смѣху,*

справедлива, то безъ сомнѣнія смѣхъ въ скоромъ времени изгнанъ будетъ изъ земли.

Сорбонскій учитель и самымъ дѣломъ увѣрялъ, что свѣтъ почти къ ничтожеству приведенъ, ссылаясь на О. Пето, который доказываетъ, что одинъ сынъ Ноевъ (заподлинно не знаю Симъ ли то былъ или Іафетъ,) спустя 285 лѣтъ послѣ всемірнаго потопа, произвелъ менѣе нежели въ 300 лѣтъ отъ единаго своего сѣмени такое множество народа, что число онаго простиралось до шести сотъ двадцати трехъ билліоновъ, шести сотъ двенадцати милліоновъ, и трехъ сотъ пятидесяти осьми тысячь.

Господинъ Андре спросилъ его: для чегоже во времена Филиппа, по прозванію Пригожаго, то есть около 300 лѣтъ послѣ Гуга Капета, небыло шести сотъ двадцати трехъ билліоновъ Принцовъ изъ Царскаго дому? Для того, отвѣчалъ Сорбонскій учитель, что вѣра ослабѣла.

Много говорили также о стовратных Фивахъ, и о цѣломъ милліонѣ воиновъ выходившихъ изъ оныхъ съ двадцатью тысячами вооруженныхъ колесницъ. Пожалуйте о семъ помолчите, примолвилъ господинъ Андре; ибо съ тѣхъ поръ, какъ я началъ книги читать, кажется мнѣ, что тотъ же самой духъ писалъ прежде и исторіи, которой сочинялъ Гаргантуа. На конецъ нѣкто изъ гостей продолжалъ, что Фивы, Мемфисъ, Вавилонъ, Нинива, Троя и Селевкъ были самые обширные города, и теперь болѣе уже ихъ нѣтъ. Ето правда, отвѣчалъ секретарь Князя Голицына; но Москва и Константинополь, Лондонъ, Парижъ, Амстердамъ и Ліонъ, превосходящіе и самую Трою, также и всѣ Французскіе, Нѣмецкіе, Испанскіе и многіе сѣверные города были тогда мѣстами необитаемыми.

Швейцарскій Капитанъ, человѣкъ весьма ученый, говорилъ намъ откровенно, что когда предки ихъ хотѣли,

оставя горы и стремнины, изыскать прїятнѣйшую землю, то Кесарь, видя изчисленїе сихъ выходцовъ своими глазами, нашелъ триста шестьдесятъ восемь тысячь человѣкъ, полагая въ томъ числѣ стариковъ, дѣтей и женъ. Нынѣ же одинъ Бернской округъ имѣетъ столько жителей, хотя онъ и половины Швейцарїи еще несоставляетъ, и могу сказать за подлинно, что тринадцать округовъ имѣютъ болѣе двухъ миллїоновъ душъ, считая при томъ и отъ тѣхъ, которые или въ службѣ или отправляютъ торги въ иностранныхъ государствахъ. Послѣ сего примолвилъ онъ, господа ученые, дѣлайте счетъ и системы; право онѣ также будутъ ложны какъ и вашихъ предшественниковъ.

По томъ предложили вопросъ: Римскїе ли граждане во времена Кесарей или Парижскїе при жизни господина Силгуетта были богатѣе?

Ахъ! вскричалъ господинъ Андре, это до меня касается. Я былъ долгое

время человѣкомъ въ сорокъ талеровъ; такъ думать надобно, что Римскіе граждане болѣе меня имѣли; ибо сіи славные и счастливые разбойники опустошили наилучшія земли въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, и жили чрезвычайно великолѣпно отъ плодовъ своея добычи; однако при всемъ томъ было и въ Римѣ немало бѣдныхъ людей; почему я увѣренъ, что между сими завоевателями свѣта находились и такіе, которые такъ какъ и я имѣли неболѣе сорока талеровъ.

Знаете ли вы, говорилъ Профессоръ Академіи изящныхъ наукъ и надписей, что Лукуллъ издерживалъ на всякой ужинъ, которой онъ давалъ въ Аполлоновой палатѣ, по тридцати девяти тысячь по триста семидесяти два талера и тридцати копѣекъ нашей ходячей монеты; Аттикъ же напротивъ того, славный Епикуреянинъ, неболѣе въ мѣсяцъ употреблялъ на свой столъ, какъ по двѣсти тридцати ливеровъ?

Ежели это правда, говорилъ я, то онъ достоинъ быть Предсѣдателемъ въ ученомъ собранïи, недавно въ Италïи заведенномъ. Я также читалъ во Флорѣ, какъ и вы сïю чудную повѣсть; но уповательно, что Флоръ никогда неужиналъ у Аттика, или что подлинникъ его такъ же испорченъ писцами, какъ и другихъ Писателей. Въ протчемъ Флоръ меня никогда неувѣритъ, чтобы другъ Кесаря и Помпея, Антонïя и Цицерона, которые часто у него кушали, менѣе издерживалъ въ мѣсяцъ десяти луидоровъ или 50 рублей.

Вотъ какъ сочиняютъ Исторïи!

Госпожа Андре прервавъ рѣчь говорила ученому, что если бы онъ согласился содержать ея столъ въ десятеро дороже, то бы оказалъ ей немалое удовольствïе.

Я думаю, что сïя вечеринка по крайней мѣрѣ стоила г. Андре во столько, сколько Аттикъ издерживалъ

въ цѣлый мѣсяцъ, и госпожи собесѣдницы много сомнѣвались о томъ, что бы Римскія пирушки были великолѣпнѣе Парижскихъ. Бесѣда была довольно весела, хотя и походила нѣсколько на ученую; ибо въ ней не говорили ни о новыхъ модахъ, ни о насмѣшкахъ, ниже о соблазнительныхъ приключеніяхъ.

По томъ предложенной вопросъ о роскошѣ, изслѣдованъ былъ подробно; ибо когда сказано: что отъ роскоши ли Римская Имперія пала, то тотчасъ доказали, что обѣ восточная и западная Имперіи разорены чрезъ однѣ распри и монаховъ. Да и въ самомъ дѣлѣ по взятіи Рима Аларикомъ, въ однихъ только богословскихъ распряхъ упражнялися, а по завладѣніи Константинополя Магометомъ II. монахи съ большею ревностію защищали вѣчность свѣта Ѳавора, нежели старый городъ противу Турковъ.

При семъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ подалъ такое мнѣніе, которое

меня весьма поразило. Онъ говорилъ, что сїи двѣ пространныя Имперїи въ конецъ истреблены и что труды Виргилїя, Горацїя и Овидїя еще и по нынѣ находятся.

По томъ отъ временъ Августа тотчасъ приступили къ Лудвигу XIV. Тутъ госпожа спросила весьма разумно, для чего нынѣ непишутъ болѣе никакихъ остроумныхъ сочиненїй.

Для того сударыня, отвѣчалъ господинъ Андре, что оные писаны бывали въ прежнїе вѣки. Мысль сїя хотя и странна, однако справедлива и основательна. Послѣ сего охуждали Шотландца, которой осмѣлился предписывать законы вкуса и поносить самыя наилучшїя мѣста въ Расинѣ, неразумѣя основательно Французскаго языка; но еще болѣе поносили Италїанца, называемаго Денина, который хулилъ книгу *о разумѣ законовъ*, ни мало непонимая оной, и особливо издѣваясь надъ тѣмъ, что есть наилучшее въ семъ сочинении.

Сіе привело на мысль притворное презрѣніе Боало къ Тассу. Нѣкто изъ гостей утверждалъ, что Тассъ со всѣми своими погрѣшностями, столько превосходилъ Омира, сколько Монтескій еще съ большими погрѣшностями предпочтителенъ пустословному Гроцію. Противу сей негодной критики произшедшей отъ ненависти и предразсужденія были сдѣланы сильныя возраженія; послѣ чего разсуждали о Денинѣ по его заслугамъ, или такъ какъ разсуждаютъ прямо ученые люди о педантахъ.

Но съ особливымъ остроуміемъ замѣчено было, что по большой части ученыя сочиненія нынѣшняго столѣтія, равно какъ и разговоры въ бесѣдахъ бываютъ о изслѣдованіи наилучшихъ трудовъ послѣдняго вѣка. Заслуги наши зависятъ отъ разсмотрѣнія заслугъ другихъ, и мы уподобляемся дѣтямъ лишеннымъ наслѣдства, которые дѣлаютъ щетъ имѣнія своихъ родителей. Всякъ признавался, что философія получила

весьма великое приращенїе, но что языкъ и слогъ нѣсколько поиспортились.

Такого свойства бываютъ разговоры, что отъ одной рѣчи переходятъ къ другой. Но всѣ сїи предмѣты любопытства, ученїя и вкуса, вдругъ исчезли, какъ скоро Россїйская Императрица и Король Прускїй явили свѣту великолѣпнѣйшее позорище. Они возстановили низверженное человѣчество и ввели вольность совѣсти въ такой части свѣта, которая гораздо обширнѣе, нежели какова когда либо была Римская Имперїя. Услуги сїи оказанныя человѣчеству и примѣръ данный толь многимъ дворамъ, почитающимъ себя просвѣщенными, были прославляемы по достоинству. Послѣ сего пили мы за здравїе Императрицы и Государя философа, и желали имъ многихъ послѣдователей. Господинъ учитель Сорбонскїй оказалъ тутъ свое удивленїе по тому, что и въ тѣхъ странахъ есть столь же просвѣщенные люди, каковы были нѣкогда у Витянъ.

Россійскій секретарь привелъ насъ въ изумленіе, разсказывая намъ превосходнѣйшія учрежденія въ Россіи. Тутъ вопросилъ нѣкто: для чего охотнѣе читаютъ исторію Карла XII, который всю свою жизнь препроводилъ въ раззореніяхъ своего государства, нежели исторію Петра Великаго, истощившаго всѣ свои силы къ устроенію онаго. Мы заключили, что причиною сего преимущества были слабость и развращеніе, что Карлъ XII. былъ не кто иной, какъ сѣверной Донъ Кишотъ, а Петръ Великій, Солонъ; что тщеславіемъ зараженные умы предпочитаютъ дерзновенное мужество великимъ намѣреніямъ Законодавца, что вниманіе на гражданское устроеніе нестолько имъ нравится, какъ безразсудная отважность такого человѣка, который съ одними своими служителями ополчается противъ десяти тысячь Турковъ, и что наконецъ большая часть читателей лучше любятъ увеселительныя, нежели нравоу-

чительныя повѣсти. Отъ сего то происходитъ, что сто женщинъ читаютъ тысячу и одну ночь, противъ одной, которая прочитаетъ двѣ главы изъ Локка. *

Да о чемъ только не говорили на семъ пиру, которой у меня долго изъ памяти невыйдетъ! Наконецъ необходимо надлежало примолвить что нибудь и о позорищныхъ дѣйствователяхъ, о коихъ то и дѣло что говорятъ при столахъ въ Версалїи и Парижѣ. Всѣ были въ томъ согласны, что Витїя столь же рѣдокъ, какъ и хорошїй стихотворецъ и позорищный дѣйствователь. Пиръ кончился прекрасною пѣсенкою, которую одинъ изъ гостей запѣлъ для хозяйки. Что же касается до меня, то я могу признаться, что мнѣ несколько бы былъ прїятенъ столъ

* Локкъ былъ самый славный Аглинскїй въ прошедшемъ вѣкѣ философъ. — Книга его *Опытъ о человѣческомъ разумѣ* почитается доселѣ въ Европѣ за самое лучшее произведенїе учености.

Платона, какъ бесѣда господина Андре и его супруги.

Наши щеголи и щеголихи безъ сомнѣнія въ такомъ бы случаѣ померли со скуки. Утверждаютъ, что бесѣда ихъ бываетъ весела, однако ни я, ни господинъ Андре никогда въ оной небываемъ.

КОНЕЦЪ.

РОСПИСЬ

новымъ книгамъ, продающимся въ Санктпетербургѣ по Невской Перспективѣ у Аничковскаго Мосту въ домѣ Дмитрія Александровича Зубова.

Іосифъ, поэма, новое исправл. изданіе, на бѣл. бум. въ больш. осьмую долю листа. 1 р. 20 к.

Солнце, поэма. на прост. бум. 80 к. на бѣл. 1 р.

Сельскія ночи, поэма г. Во. 1 руб. 20 коп.

Краткое Описаніе жизни Петра Великаго съ письмами къ брату и записною Книжкою. 1 р.

Исторія о Тахмасъ-Кулыханѣ. 1 руб. 20 коп.

Исторія перваго вѣка Христіянскаго. 45 к.

Историч. Извѣстіе о Раскольникахъ. 20 к.

Жизнь Императрицы Маріи Терезіи. 30 к.

Зрѣлище свѣта. 40 коп.

Корень всеміриой Исторіи. 40 коп.

Правила о здоровьѣ. 40 кок.

Странствованіе Ефремово. 90 коп.

Памятная книжка для пѣхотныхъ Офицеровъ, съ 78 фигур. — 75 коп.

Тактика Короля Прускаго, изд. Фельдмаршаломъ Мирабо. 3 Части въ четверть листа съ 62 Чертежами. 10 руб.

Курїеръ изъ ада. 1 руб. 25 коп.

Веселая книга, или шалости человѣческія, 2 части. 2 руб. 80 коп. на бѣл. бум. 3 р. 20 к.

Дикій Человѣкъ, 40 коп.

Всѣмъ Сестрамъ по Сергамъ. 1 руб.

Плѣнъ Россіянъ у Турковъ. 1 руб. 50 коп.

Картина или описаніе о всѣхъ войнахъ съ Турками и Татарами. 1 руб. 25 коп.

О Первенствѣ Государей. 60 коп.

Настоящія Руския сказки. 2 част. 1 руб. 80 к.

Вѣрной и легкій способъ лѣч. чесотку. 20 к.

Дѣвичья Игрушка. 75 коп.

Поизмятая Роза. 70 коп.

ПѣсенникЪ, заключающїй вЪ себѣ болѣе 600 пѣсенЪ, издан. и печат. вЪ 1792 году вЪ домѣ г. Зубова. 2 руб.

Гадательная Ариѳметика для забавы и удовольствїя. 40 коп.

Описанїе землетрясенїй вЪ Калабрїи и Сицилїи. 1 руб. 20 коп.

Игры Физическїя, сЪ присовокупленїемЪ самыхЪ любопытныхЪ открытїй, учиненныхЪ вЪ Химїи и Физикѣ, и показанїя свойствЪ и союзовЪ тѣлЪ, относящихся до состава оныхЪ, перемѣны вида, разрушенїя и доставленїя имЪ вновь первообразности. 2 руб.

ЦвѣтникЪ, или собранїе самыхЪ лучшихЪ разсужденїй Аддиссона, Свифта, Галлера, Мерсїе и проч. 1 руб. 25 коп.

ЧадолюбецЪ, сочиненїе г. Геллерта. 60 к.

ГражданинЪ сЪ расчетомЪ, или житейская Бухгалтерїя. 1 руб.

Наставленїе Юношества вЪ добродѣтели. 1 руб. 20 коп.

Цареградскїя письма. 1 руб. 70 коп.

Жизнь нѣкотораго мужа и перевозЪ курїозной души его чрезЪ СтиксЪ рѣку. 30 коп.

Взятїе св. Лукїи. 40 коп.

Альзира, трагедїя г. Волтера. 70 коп.

Путешествїе Капитана Кука около свѣта, и жизнь его. нов. изданїе. П. Б. 2 руб.

Новый и полный ПисьмовникЪ, соч. и изд. П. Б. 4 части. 4. руб.

5руб

